
ВОКРУГ ТОЛСТОГО: ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Макаров
(г. Тула)

ТУЛЬСКИЕ МЕДИКИ В ЖИЗНИ Л. Н. ТОЛСТОГО

За свою долгую жизнь Лев Николаевич Толстой общался, как минимум, с полтысячью медиками: кто-то его лечил, кто-то вел с ним переписку, с кем-то он встречался просто для разговора-беседы, с кем-то воевал в Севастополе, с кем-то работал на голоде... Этот перечень встреч с медиками можно продолжать и продолжать.

В данном обзоре представлены медики Тулы и Тульской губернии, как-то связанные с Толстым, к сожалению, не все; медики, о которых в своих дневниках и письмах упоминал сам Толстой, медики, о которых оставили свои воспоминания родные и близкие великого русского писателя.

АБРАМОВИЧ МАРИЯ ИВАНОВНА

Из дневников С. А. Толстой:

«1863.

...июня 28.

Рождение первого сына — Сергея. Т. ездил в Тулу за акушеркой...»

Из книги С. А. Толстой «Моя жизнь»:

«...жила у меня акушерка, полька, воспитанная и учившаяся при Дерптском университете акушерству, вероятно, в тамошних клиниках. Звали ее Марья Ивановна АБРАМОВИЧ, она была вдова и имела единственную дочку Констанцию, для которой и трудилась всю жизнь.

Марья Ивановна принимала всех моих детей, кроме одного, к которому не поехала, — Николушки, умершего 10-ти месяцев, следовательно она была моей помощницей 25 лет, так как между первым моим сыном Сережей... и последним, Ванечкой, родившимся в 1888 году, было 25 лет разницы.

Маленькая, белокурая, с маленькими ловкими руками, Марья Ивановна была умная, внимательная и сердечная женщина. Как умильно ласково она обращалась тогда со мной, считая меня ребенком и как-то по-матерински любясь мной...

К вечеру из Тулы приехал доктор Шмыгаро, маленький полячок, главный доктор ружейного Тульского завода; за ним послали по просьбе акушерки».

Из письма к Т. А. Кузьминской от 23 апреля 1874 г.

«...Вчера Соня родила благополучно сына. Решили назвать Николаем. Мария Николаевна занята Арсеньевой...».

25 мая 1866 г. Толстой писал в письме Кузьминским:

«...Вы можете себе представить наш ужас во время родов, которые Марья Ивановна едва застала и при ожидании недоношенного ребенка. Но Илья закричал так же бойко, как Танечка...».

Из книги С. Л. Толстого «Очерки былого»:

«...Перед учебным сезоном отец стал подыскивать нам русского учителя... В то же время он искал управляющего самарским имением. Через Марию Ивановну Абрамович, акушерку моей матери, жившую в Туле, он нашел и того и другого...».

Из воспоминаний В. Ф. Булгакова:

«...Л. Н. Толстой узнал об Алексееве случайно от встретившейся с ним акушерки Абрамович. Она как раз принимала в Ясной Поляне четвертого сына Толстых Андрея...».

АФНАСЬЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

Из ежедневников С. А. Толстой:

«1906. 7 июля.

...очень заболел Андрюша, жар 38 и 8. Приезжал доктор Афанасьев...».

1906. 24 ноября.

Маше все очень нехорошо. Приезжал В. А. Щуровский и Афанасьев Вл. Алексеевич. Воспаление левого легкого и плевры...».

Из воспоминаний Маковицкого Д. П.

1906 г.

Ноября 21. «Приезжал доктор Афанасьев. Два дня диагноз не определен.

После очень тщательного и долгого выслушивания Афанасьеву удалось обнаружить место в полтинник, где было слишком жесткое дыхание. Предположение: воспаление легких».

Ноября 24. «Мария Львовна очень ослабела. Частое забытие. Иногда полное сознание и тогда очень возбуждена. Сомневается, что выживет.

— Как странно, что надо умирать,— сказала она, но не выразила страха смерти.

Сегодня были у нее Афанасьев и Щуровский».

Ноября 27. «Вечером в 8 часов Мария Львовна в агонии. За час до смерти узнала Л. Н., притянула его руку к груди, а Николаю Леонидовичу (мужу) сказала: «Умираю».

За четверть часа до смерти еще произнесла «Коля» и ласкала его рукой. Потом поднялась и, сидя, подпертая подушками, скончалась. Противилась впрыскиванию камфары, кофеина, а к концу и питью вина и мешкам с горячей водой. Умерла в 20 минут первого ночи 28 ноября. Л. Н. подошел к ней, сел и за 10 минут до смерти поцеловал руку...

Скоро после кончины подошел Николай Леонидович, без слов обнял и поцеловал ее. Доктору Афанасьеву пожал руку, поблагодарил».

БОГОЯВЛЕНСКИЙ НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ

Из письма С. А. Толстой мужу от 12 июня 1881 г.:

Сереза (сын) третьего дня вернулся из Тулы и привез — кого бы ты думал? — Богоявленского...

Богоявленский был противен, перорировал (разглагольствовал) о вреде хороших манер и спорил с тетей Таней (Кузьминской)...

Привез Богоявленский лекцию Соловьева (Владимира Сергеевича, философа, против смертной казни) литографированную; очень интересно было прочесть, я ее тебе оставила».

Из письма Л. Н. Толстого жене от 29 мая 1883 г. из Самарского имения:

«...Здесь живут: Богоявленский (он мне несимпатичен совсем) с женой...»

Из письма Л. Н. Толстого жене от 20 февраля 1885 г. из Москвы:

«...Очень грипп силен. Я не выхожу... Вечером я только лег отдохнуть, как пришел Богоявленский (студент-медик) и сын Сережа...».

Из дневников Л. Н. Толстого:

1888 г.

«Декабря 14. Иду гулять и снести письмо Богоявленскому. Не дошел до Богоявленского».

«Декабря 24. Послал за Богоявленским. Грипп не проходит еще».

«Декабря 31. Встал поздно... Иду к Богоявленскому...».

1889 г.

«Января 1. Вчера был у Богоявленского, не застал. Все слабость и уныние...».

«Января 3. Ходил к... Покровскому... Потом... добродушный Богоявленский. Со всеми радостно любовно».

1890 г.

«Апреля 9. Вечером пошел гулять, встретил Богоявленского (врача) и горячо говорил с ним напрасно о Крейцеровой сонате».

1891 г.

«Сентября 24. Епифань. Ходил в деревню Мещерки. Опущенность народа страшная... ничего нет, и еще поют... К вечеру приехал Богоявленский...».

«Сентября 25. Клекотки. 100 км от Тулы. Доехали до Клекоток и собираемся ехать дальше. Мне хорошо... с Богоявленским был оживленный разговор».

Из письма Л. Н. Толстого жене от 24 ноября 1891 г. из Бегичевки:

«Иван Иванович все в жару и очень беспокоен... он 20-го вернулся из Данкова... казалось, что ничтожный грипп, который пройдет, тем более, что на другой день он был совсем свеж и здоров и свалился опять к вечеру 21-го... Богоявленский каждый день бывает и не находит ничего опасного».

Из письма Л. Н. Толстого жене от 25 ноября 1891 г. из Бегичевки:

«Ему не лучше. Называют это инфлюэнцей, а это горячка по старинному. Лежит в жару, 39° почти, бредит, тяжело дышит. Богоявленский туг постоянно, и говорит, что опасного нет».

Из дневника Л. Н. Толстого:

1891 г.

«Ноября 26. Он умер в 3 часа, мне очень жаль его. Я очень полюбил его».

Из писем Л. Н. Толстого жене из Бегичевки:

16 и 18 февраля 1892 г.:

«Богоявленскому все не лучше... У Богоявленского сыпной тиф. Все 40,5. Его лечит врач Матвеев и его сестра врач, а ныне привезут доктора из Данкова... беспокойство о заразительности тифа Богоявленского, мы бережемся и не ходим. Хотя, кажется, это не прилипчиво».

Из дневника Раевской Е. П.:

«...Толстой, пренебрегая опасностью, посещал Богоявленского и сидел у его кровати...».

Из письма С. А. Толстой от 19 февраля 1892 г.:

«Меня очень тревожит Богоявленский. Неужели и он умрет?...».

Из письма Л. Н. Толстого жене от 22 февраля 1892 г. из Паников:

«...Богоявленскому немного лучше. Меньше жар, и ванны ему помогают...».

Из письма Л. Н. Толстого к Величкиной В. М. от 23 февраля 1892 г. из Паников:
«Доктор все очень плох».
Из дневников Л. Н. Толстого:
1892 г.
«Февраля 24. ...Богоявленский очень болен...».
Из писем Толстого к жене от 28 и 29 февраля 1892 г. из Бегичевки:
«Богоявленский ужасно слаб, но не хуже...».
Из дневников Л. Н. Толстого
1894 г. Москва
«Ноября 20. Вчера вечером набралась толпа гостей. Прежде всех приехал Бого-
явленский и Солоцько...».

ВЕРЕСАЕВ (СМИДОВИЧ) ВИКЕНТИЙ ВИКЕНТЬЕВИЧ

Встреча Вересаева с Толстым состоялась в Ясной Поляне 15 августа 1903 г. Воспоминания о Толстом писались позднее и были опубликованы впервые в связи с 15-летием со дня смерти Л. Н. Толстого в журнале «Красная новь» (1925, № 48, 22 ноября). Воспоминания отмечены тонкой наблюдательностью, оригинальностью независимых, самостоятельных суждений о творчестве и личности Толстого.

Из воспоминаний В. В. Вересаева:

«...В 1902 году, высланный Синягиным из Петербурга, я жил в родной Туле. С год назад вышли в свет мои «Записки врача» и шумели на всю Россию и за границу. Весною я собрался ехать за границу, уже выправил заграничный паспорт. Вдруг получаю письмо.

Адрес: Татьяне Львовне Сухотиной.

Имение: «Гаспра», гр. Паниной.

Почт. ст. Кореиз, Таврич. Губ.

Милостивый государь, мне пришло в голову обратиться к Вам с просьбой, которую Вы, может быть, будете в состоянии и пожелаете исполнить.

Вы, вероятно, знаете, как долго и тяжело болеет мой отец. До сих пор он совершенно беспомощен и без посторонней помощи не может повернуться на кровати. Сердце его в таком плохом состоянии, что оставлять его без врачебной помощи и надзора — невозможно. Поэтому мы ищем к нему постоянного врача, который бы наблюдал за ним и оказывал бы медицинскую помощь, если она нужна.

Не знаете ли кого-нибудь, кто бы взял на себя эту обязанность? Мы предлагаем 100 р. в месяц, полное содержание и дорогу в Крым. Если нам посчастливится свезти отца в Ясную Поляну (на что мы имеем теперь полную надежду), то врач должен будет переехать с ним и жить при нем в Ясной Поляне. Конечно, все путешествие на наш счет.

Не говорю о том, как важно для нас, чтобы врач был симпатичным, хорошим человеком. Моему отцу так трудно принимать чьи бы то ни было услуги и так тяжело ему будет то, что для него будет жить врач, что если этот врач не будет тактичным человеком, эта тяжесть для отца увеличится.

Простите, что, не зная Вашего имени и отчества, не пишу его на адресе и в обращении к Вам. Если кто-нибудь попадетсЯ Вам, будьте добры ответить мне по здешнему адресу.

Если Вам это интересно, то могу Вам сказать, что отец очень восхищался вашими писаниями и находит в Вас много таланта.

Т. Сухотина, урожд. Толстая.

Радость, гордость и ужас охватили меня, когда я прочел это письмо. Нетрудно было понять, что тут в деликатной форме приглашали меня самого; при огромном круге знакомств Толстых странно им было обращаться за рекомендациям ко мне,

совершенно незнакомому им человеку; очевидно, я, как автор «Записок врача», казался им почему-то наиболее подходящим для ухода за больным отцом. Если же даже все это было и не так, то все-таки после этого письма я имел полное право предложить свои услуги.

Целую неделю я провел в жесточайших колебаниях. Жить бок о бок с Толстым, постоянно видеть его в интимной, домашней обстановке — не показным, а настоящим, увидеть то, что так редко удается видеть людям, — что такое великий человек в подлинной своей жизни. Конечно, буду записывать все, что увижу и услышу, — но не в коленопреклоненной позе, не иконописуя пророка или гения, а смотря свободными глазами, не боясь отмечать ни темных, ни смешных сторон. Как мало таких записей о великих людях, как они скучны, как благолепно и безжизненно велики в своих биографиях и в воспоминаниях учеников своих и поклонников!

Это так. Но была другая сторона. Врач я был молодой, всего несколько лет со студенческой скамьи, не уверенный в себе, без достаточной опытности. Как при этих условиях взять на себя ответственность за такую драгоценную жизнь! Недосмотришь, не учуешь значения того или другого симптома, — и смерть Льва Толстого ляжет на твою совесть!.. Дело еще более осложнялось тем, что я был автором «Записок врача». Известно отрицательное отношение Толстого к медицине с ее стремлением «бороться» с природою, исправлять ее, с неверностью ее методов и немощию ее средств. Мои «Записки», — по крайней мере до известной степени, как раз утверждали такую точку зрения <...>.

В конце концов я оборвал свои колебания, уехал за границу и из Милана написал Татьяне Львовне, что не решаюсь взять на себя ответственность за такую дорогую для меня и для всех жизнь, как жизнь Льва Николаевича.

В течение следующего 1902/3 года, в Туле, Лев Павлович Никифоров, чудесный старик, добрый знакомый Толстого, проездом из Ясной Поляны в Москву несколько раз передавал мне приглашение Льва Николаевича посетить его. Но очень было страшно, и я долго не решался. Наконец, в августе 1903 года набрался духу.

Отправились мы троим: тульский либеральный земец Г., один знакомый земский врач и я. Выехали мы из Тулы на ямской тройке, часов в одиннадцать утра. На лицах моих спутников я читал то же чувство, какое было у меня в душе, — какое-то почти религиозное смятение, ужас и радость. "Чем ближе к Ясной Поляне, тем бледнее и взволнованнее становились наши лица, тем оживленнее мы сами.

Г. рассказывал про свою беседу в Туле с одним подгородным мужиком из соседней с Ясною Поляною деревни. «Видывали вы Толстого?» — «Как же, сколько раз». — «Ну, что он, каков?». — «Ничего. Сурьезный такой старик. Встренешься с ним на дороге, поговорит с тобою, а потом руку этак вытянет ладошкой вперед: «Отойди от меня, я — граф!»

На террасу из внутренних дверей вошел: Лев Николаевич. Первое, что меня поразило, — что он такой маленький. Мне он представлялся высоким и широкоплечим. Невысокий, очень сухонький старичок, с подавшимися вперед плечами, с быстрыми, молодыми движениями, несмотря на перенесенную недавно тяжелую болезнь. Он поздоровался с нами и сел. Мне еще бросились в глаза его поразительной красоты старческие руки.

И вот, как будто в эти руки он уверенно взял вожжи — привычным жестом опытного ездока — и повел разговор — легко, просто, незаметно втягивая всех в беседу. Заговорил со мною о моих «Записках», потом обратился к приехавшему с нами земскому врачу:

— Вы, наверно, во многом не согласны с Викентием Викентьевичем? (И откуда он уже успел узнать мое имя-отчество?).

Врач накуксился и вызывающе ответил из угла:

— Не согласен.

Не было ничего похожего на прием посетителей. Как будто все мы были его добрыми знакомыми. Спросил каждого, как его зовут, и потом все время называл по имени-отчеству и ни разу не сбился. Слушал всех внимательно и с интересом, и у каждого из нас было впечатление, что мы ему интересны сами по себе. Очаровывающее соединение светской воспитанности с сознательным отношением к каждому человеку, как к брату. Но, мне кажется, было тут еще что-то, — как будто он и вправду чувствовал к нам живой интерес. И почему было не чувствовать интереса к любому встречному ему, такому жадному к жизни во всех ее проявлениях, от далекой звезды до ползущей по земле букашки? Мне вспомнились слова Паскаля: «Чем разумнее человек, тем более находит он вокруг себя интересных людей. Люди ограниченные не замечают разницы между людьми» <...>.

Из «Яснополянских записок» Маковицкого Д. П.

1906 г.

Февраля 25.

«...Л. Н. Говорил, что получил письмо о жене доктора, которая ревнует мужа, «что лезет под юбки», вычитала у вас и у Вересаева, что доктора такие».

— Сам отвечу, — сказал Л. Н.

1908 г.

Марта 21.

«...Пришла Александра Львовна и рассказала про книгу Вересаева «На войне», которая запрещена. Вересаев на днях прислал ее Л. Н. Рассказала про злоупотребления и другое там описываемое. Л. Н.: Эта манера во всем видеть одно дурное, желание осудить — нехороша».

1910 г.

Из воспоминаний В. Ф. Булгакова.

Мая 3.

«Просил у Татьяны Львовны что-нибудь почитать. Она предложила «Записки врача» Вересаева. Лев Николаевич отказался».

Из дневников Толстого:

Мая 14.

«Болел бок. Встал бодро. Много гулял... Дома читал Вересаева... Как бы хорошо быть в состоянии искренно ответить на вопрос: Как твоё здоровье? — Не знаю, это меня не касается».

ГРУШЕЦКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ

Из ежедневников С. А. Толстой:

1906. Января 13.

«Уехали за границу Саша, Маша с Колей. М. С. Сухотин с доктором Грушецким».

1906 г. Февраля 22.

«В Ясной Поляне вместе с М. С. Сухотиным гостит врач В. П. Грушецкий».

1908 г. Августа 11.

«Пополудни был доктор Грушецкий, привезенный Сергеем Дмитриевичем (Николаевым, знакомым и последователем Т-го). Когда Грушецкий исследовал Л. Н., то расспрашивал его, но пустых вопросов не задавал».

1909 г. Мая 18.

«...Лев Николаевич ездил на Засеку, говорил с доктором Грушецким о Танюше. Он оттуда приехал, говорил, что теперь опасность отодвинута, но боялся параличей...».

1909 г. Мая 19.

«Ездил верхом, говорил по телефону с Грушецким... жду вестей о Танечке».

Из «Яснополянских записок» Маковицкого Д. П.:

1909 г. Декабря 13.

«...Вновь предложили смерить температуру. Л. Н. позвонил. Температура — 40, пульс — 96, с перебоями.

Послали срочные телеграммы Софье Андреевне (в Москву), Черткову, Д. В. Никитину, Грушецкому...».

1910 г. Февраля 15.

«У Александры Львовны вечером 40,4 и очень сильный кашель. Л. Н. часто к ней заходил, подолгу сидел и поплакивал. Был доктор Грушецкий...».

1910 г. Апреля 10.

«Все подавлены... Пополудни был доктор Грушецкий, который нашел иногда при кашле хрипы и в верхушке левого легкого...».

Из дневников С. А. Толстой:

«1910. 15 июля.

...Дневники Льва Н-а сегодня запечатали, 7 тетрадей, а завтра мы их с Таней везем на хранение в банк. Сейчас они лежат в Туле у доктора Грушецкого, что меня беспокоит. Хотели сегодня их убрать в банк, но все оказалось заперто по случаю мольбствия в Туле о холере, и завтра надо их взять у Грушецкого и положить в банк...».

ДРЕЙЕР РУДОЛЬФ АВГУСТОВИЧ

Из дневников С. А. Толстой:

«1901. 3 июля.

...Когда я его увидела, у меня сердце оборвалось, и всю ночь у него сильно болела грудь, и я ему сказала, что это от сердца. Утром судили, кого взять доктором. Послали за тульским Дрейером, который нашел лихорадку и очень плохой пульс: 150 ударов в минуту. Предписал хинин по 10 гран. в день и кофеин и строфант от сердца...».

«1902. 7 декабря.

...У Льва Николаевича жар, с утра сегодня 39, пульс стал плох, силы слабеют... что с ним, единственный доктор, который при нем, не понимает.

Выписали тульского Дрейера и из Москвы Щуровского...».

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Из воспоминаний Т. А. Кузминской:

«...Несчастный случай с Толстым произошел 26 сентября 1864 г. С. А. Толстая вспоминала: «Зрелище в избе, когда я отворила дверь, было ужасное: Лев Николаевич, по пояс обнаженный, сидел среди избы; двое мужиков его держали, доктор с фельдшером грубо и неумело старались поставить на место руку, а Лев Николаевич кричал громко от сильных страданий. Увидев меня, он нежно сказал мне какое-то приветствие. Послали домой за пролеткой и осторожно свезли Льва Николаевича в дом.

Всю ночь он мучительно громко стонал. Я сидела с ним, и он иногда, сидя, засыпал, как-то положив голову ко мне на плечо.

На другое утро послали в Тулу за молодым и очень способным доктором Преображенским. Приехав, он умело и быстро под хлороформом вправил Льву Николаевичу руку и забинтовал ее так, что боли сразу стали гораздо легче. Помню, какое было страшное лицо у Льва Николаевича, когда он лежал, как мертвый, под хлороформом...».

Из письма С. Н. Толстого Толстому в январе 1867 г. из Тулы:

«...Преображенский, который теперь ездит, говорит, что это очень сложный тиф, но он видел его на несколько минут в день, а что с ним бывало по ночам, то видели только мы... Преображенский по-моему, хорош, он велит давать вино и бульон, что и

без него мы делали, и толкует со мной очень долго о Каткове и т. п., и курит папиросы, и будит его шупаньем, если он заснет. Лекарство, которое он прописывает, я не даю положительно, он это видит и, кажется, меня одобряет, и совесть покойна: доктор ездит. Что такое медицина — это прелесть...».

РУДНЕВ АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ

С. Л. Толстой в своих письмах в конце 1890-х и начале 1900-х годов из Пирогово Толстому часто сообщает, что, в связи с болезнями членов его семьи, их часто посещает А. М. Руднев.

Из воспоминаний Молчанова Александра Николаевича (1847— ?) — беллетрист, публицист, встречался с Толстым в июне 1890 г.:

«...Посетив 1 июня графа Л. Н. Толстого, я могу сообщить приятную весть: напугавшие всех жестокие приступы его старой болезни печени прошли, и здоровье маститого писателя, видимо, поправляется... Он очень похудел, ослаб, но энергия его супруги и такт доктора Руднева победили отвращение графа к медицинской помощи и советам: он аккуратно пьет эмскую воду, педантически исполняет предписанные ему условия гигиены и согласился пользоваться в течение лета кумысом, для него будет выписан специалист из Самарской губернии. Косить, жать и вообще всякий утомительный физический труд ему запрещен строго-настрога, и достаточно взгляда на аскетическую фигуру Льва Николаевича, чтобы полностью оправдать этот запрет. Но так как в этом больном теле дух жив и велик, то даже докторский режим не осмелился наложить veto на умственную работу графа...».

Из книги С. Л. Толстого «Очерки былого»:

«... В 1885 году...

...Работая в поле и возя снопы, отец сильно ударился ногой о грядку телеги; образовалась крупная ссадина. Не дав созреть струпику на ранке, он его содрал; возникло рожистое воспаление, начиналось заражение крови, температура поднялась. Моя мать сильно встревожилась, поехала в Москву и привезла хорошего врача, ассистента Захарьина — В. В. Чиркова. Он немедленно дренировал ранку и для дальнейшего лечения рекомендовал хорошего тульского врача А. М. Руднева. Температура сразу понизилась, но отцу долго пришлось не покидать постели. Я думаю, что тогда его жизнь была в большой опасности, его спасли врачи Чирков и Руднев...».

Из воспоминаний Т. Л. Сухотиной-Толстой:

«...1886 год... 4 сентября. 9 часов утра.

Проснувшись, узнала, что папа хуже. Ночью жар у него дошел до 40, и нога ужасно болела, так что он простонал всю ночь. Послали за Рудневым, он говорит, что это новая рожа, и будто, если она распространится, то для ноги безнадежно. Это ужасно, — я не могу верить этому!..».

Из письма С. А. Толстой С. Л. Толстому от 14 мая 1890 г. из Ясной Поляны:

«Все это продолжается теперь дней восемь или девять. Сейчас ждем Руднева. Если он скажет, что опасно, то я выпишу Захарьина и тебе телеграфирую на имя дяди Саши.

Очень тяжело смотреть на страдания папа. Ожесточилась болезнь. вероятно, потому, что доктор не велел совсем есть хлеба, а папа эти 3 дня ел вегетарианский хлеб, очень тяжелый... Больше писать не могу, да и ничего, кроме болезни папа, не интересует... Сейчас Руднев нашел, что острый катар желудка и печени, но что опасного ничего нет пока. Если будет, я телеграфирую и во всяком случае напишу послезавтра.

Очень уж жаль папа, стонет так жалобно целые сутки скоро.

Из письма С. А. Толстой С. Л. Толстому, 25 мая 1890 г. из Ясной Поляны:

«...Болезнь папа еще не прошла, т. е. желтуха держится еще в крови, пульс слаб и худ он и слаб очень. Сегодня был Руднев. Настоятельно требует, чтоб я выписала

башкирца и поила папа кумысом. Я писала Бибикову две недели тому назад, чтоб нашел башкирца, и прислал делать кумыс, — но ответа нет. Допрашивал Давыдов Руднева, может ли папа восстановить вполне свое здоровье? И Руднев будто отвечал, что может вполне...».

Письмо Л. Н. Толстого в Тульскую больницу 11 июня 1901 года из Ясной Поляны:

«Горбатый мальчик, спрыгнув с поезда на станции Козловка, приполз ко мне со страшно разбитым коленом. Надеюсь, что тульская больница не откажется принять его. Прошу передать мое почтение и просьбу А. М. Рудневу».

Из письма Л. Н. Толстого С. А. Толстой от 1 апреля 1891 г.:

«...из Сергиевского я нынче получил ответ о мужике больном, условный, что принят, если не хронический, и потому я решил везти его в Тулу. Руднев обещал принять и обратить на него внимание...».

Из дневников С. А. Толстой:

«1891. 15 мая.

...У бедного Левочки воспаление век, и он сидит один внизу, в темной комнате уже двое суток. Сегодня ему немного лучше. Вчера послала к доктору Рудневу за советом, и он велел примачивать свинцовой примочкой, которую и прислал...».

«1891. 7 июня.

Миша Кузминский болен, похоже на дифтерию, а у меня камень на сердце: страшно и за него, и за всех других детей... Послали за доктором Рудневым...».

«1897. 8 августа.

Заболела Маша, Руднев думает тиф...».

«1897. 11 августа.

...Третьего дня утром привезли из Овсянникова больную Машу. У нее брюшной тиф и уже несколько дней около 40 градусов жару... Руднев — доктор был и сказал, что тиф легкий, но очень ее жаль...».

«1897. 18 августа.

...Маше лучше... был доктор Руднев...».

«1897. 21 августа.

Все эти дни очень страшно за Машу... Посылали за доктором...

...Ходила с Рудневым гулять...».

«1898. 21 августа.

...Маленький внук Лев захворал свинкой, был Руднев...».

«1898. 31 декабря.

...С утра у Маши схватки. Ждем мучительно разрешения ее мертвым ребенком или выкидыша. Десятый час вечера: тут акушерка, и ждем доктора Руднева...».

СИВИЦКИЙ И. М.

Во время болезни Толстого в Гаспре каждую ночь кто-нибудь из врачей ночевал с больным, в том числе и Сивицкий.

Из письма Толстого жене от 20 сентября 1900 г. из имени Сухотиных в Кочетах:

«Я совершенно здоров, если не считать палец большой на правой руке, который я прищемил в вагоне, затворяя дверь. Он мне мешает писать хорошо, но с каждым днем лучше, и любезный доктор Иван Моисеевич перевязывает мне его».

Из письма Толстого к дочери Татьяне от 6 ноября 1900 г.:

«Палец мой было загноился от присыпки, которую я сделал без Ивана Моисеевича, а теперь мне вкладывают в щель марлю и компресс сверху, и все идет хорошо. Очень, очень мне было хорошо у вас... хороша Анна Ивановна, хорош Иван Моисеевич, которому очень поклонись от меня, и хорош бы Иван Романович, если бы не засыпал со свечкой и не торопился в шахматы».

«1902. 16 февраля.

...приезжает Сивицкий, бывший земским врачом у Сухотиных, человек немоло-

дой, хороший...».

Из дневников С. А. Толстой:

«1902. 19 февраля.

...Бедный мой Левочка все лежит слабенький, все томится продолжительной болезнью. Приехал 17-го вечером Сивицкий, доктор. Жить пока постоянно...».

«1902. 10 марта.

...Вчера уехала Лиза Оболенская и Сивицкий...».

Из письма И. М. Сивицкого к К. С. Шохор-Троицкому от 25 мая 1929 г.:

«Я хорошо помню, что Лев Николаевич ездил в Кочеты... сильно повредил один палец... Палец припух, посинел от кровоизлияния под ноготь, который пришлось удалить. Несмотря на болезненность перевязок, Лев Николаевич переносил боль довольно терпеливо и только отдувался, выпуская шумно из уст воздух. И вот, помнится, когда ноготь сошел и начал нарастать новый, Лев Николаевич задал мне вопрос, почему ноготь, когда отрастет, будет точь-в-точь похож на первоначальный. На это я ответил Льву Николаевичу, что произойдет это только в том случае и потому, что сохраняется первоначальное ложе так назыв. matrix, которая произведет такой же ноготь, какой был прежде... «Но почему же это произойдет?» — настаивал Лев Николаевич, очевидно неудовлетворенный моим ответом».

СНЕГИРЕВ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ

Из дневников Толстого:

1895 г. Февраля 21.

«Здоровье Сони совсем установилось. Был Снегирев и указал на то, что это старческое прекращение р...».

Из дневников С. А. Толстой:

1895 г. Февраля 21.

«Измучив мою душу, мне позвали докторов. Комично было то, что всякий дал лекарства по своей специальности. Нервный врач дал бром, по внутренним болезням дал Виши и капли. Наконец позвали и акушера Снегирева; этот цинично сказал «о критическом периоде» и дал свое. Лекарств я не принимаю».

Из письма С. А. Толстой мужу от 4 ноября 1895 г.:

«Сегодня я лучше спала, боль меньше, а была у Снегирева. Он продолжает меня лечить, меры его очень энергичные и сильные... В сутки в меня вливается шесть полных чайных ложек чистого опиума».

Из письма С. А. Толстой мужу от 8 ноября 1895 г.:

«Была у Снегирева (всегда мне это так невыносимо нравственно тяжело), и он мне сказал, что... опасность разрыва сосудов миновала...».

Из дневников С. А. Толстой:

1900 г. Ноября 13.

«Приехала Таня с мужем, была у Снегирева, который нашел ее беременность вполне благополучной...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1905 г. Июня 13.

«Сегодня приехал Снегирев с ассистентом Алексинским. Вызван к больной Софье Андреевне. Л. Н. был к ним очень внимателен. Пополудни не ходил гулять, только со Снегиревым пошел на Воронку, где Снегирев выкупался. Все свободное от занятий время с ними провел...».

У Софьи Андреевны повторяющиеся припадки сильных болей в животе с жаром. Снегирев не исключает возможность неоплазмы. Назначил лечение и приедет опять».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1905 г. Июня 22.

«Утром Л. Н. в легком пальто пошел по прешпекту навстречу Снегиреву, который должен был приехать. За чаем Л. Н. спросил его про новые политические события.

Снегирев: О них лучше не разговаривать.

Л. Н.: Совершенно согласен с вами...

Снегирев рассказывал про Архангельскую губернию; там не было крепостного права, народ простой, с достоинством относится к чужим, неискушенный, доверчивый...».

1905 г. Июля 3.

«...Получено письмо от Снегирева, что завтра приедет

Л. Н.: Как все врачи-специалисты, Снегирев — невежественный человек, он ничего не знает...

Но на днях Л. Н. сказал о Снегиреве: Любезный человек и все знает, до чего наука дошла».

1905 г. Июля 4.

«Сегодня был здесь Снегирев. Улучшение здоровья Софьи Андреевны приписывает пиявкам, мушкам...».

Из воспоминаний А. Б. Гольденвейзера:

1905 г. Июля 13.

«...у Софьи Андреевны был профессор Снегирев.

Л. Н. сказал про него:

Он выпивает, но приятный человек; православный, но симпатичного типа, несколько народного. Но это, как большинство медиков, совершенно невежественный человек. Он ничего не читал, не знает. В письме — это пустяк, но типично — написал слово истина через два «н».

Из «Яснополянской записок» Д. П. Маковицкого:

1906 г. Августа 26.

«Софья Андреевна послала телеграмму Снегиреву, просит совета. Л. Н. прибавил, но не написал, чтобы приехал — предполагает, что и так приедет. (Эта телеграмма неизвестна)... Послали Лебрена (секретаря) за Снегиревым и доктором-хирургом Чеканом в Алексин».

1906 г. августа 27.

«Пришла телеграмма от Снегирева, что приезжает с четырьмя ассистентами. За обедом шутили насчет них. Мне было досадно, что заварил такую кашу.

— Всякий на вашем месте так бы поступил, — утешал меня Л. Н... Л. Н. спросил Снегирева:

— Есть ли выдающиеся медики?

Снегирев: Нет. Нет таких, как двадцать лет тому назад. Теперь есть институты, и в них работают коллективно».

1906 г. Августа 28.

«День Рождения Л. Н. (78 лет).

Снегиреву пришла ночью мысль, что опухоль Софьи Андреевны может быть гнойником. Утром приехал еще один его ассистент, учитель Алексей Митрофанович (Новиков), бывший домашний учитель у Толстых. В 11 часов уехали все. Снегирев хотел было не пугать Л. Н. и не говорить ему всей правды, но Л. Н. двумя-тремя вопросами навел его на суть и узнал, что хотел... Александра Львовна мне сказала, что папа хохотал над докторами, что их семь штук, и они ничего не знают».

1906 г. августа 29.

«У Софьи Андреевны усилились боли, Л. Н. к ней часто заходил... набросал письмо Снегиреву, которое не было закончено и отправлено:

«Дорогой Владимир Федорович, Мы вам послали телеграмму в Москву и в Алек-

син (обе телеграммы неизвестны), прося приехать к тяжело больной жене. Но, не зная, где вы, решили просить вас о том же письмом, которое передаст вам мой молодой приятель Лебрен. Она очень страдает, и положение ее опасно. Очень будем благодарны за ваш приезд».

1906 г. Августа 31.

«Пополудни, во время приступа болей. Софья Андреевна просила маленькую иконку положить ей в постель и позвать попа... Софья Андреевна, хотя впрыснуто более трех миллиграмм атропина, не успокоилась, стонала. Я же морфий впрыскивать не решился, чтобы не изменить картину болезни, диагноз которой не был определен. В 8 вечера приехал Снегирев и сразу же впрыснул полтора сантиграмма морфия... склонен скорее всего диагнозу абсцесса... просил («Ради меня сделайте!») выписать гинеколога Феноменова из Петербурга».

1906 г. Сентября 1.

«У Софьи Андреевны вчера вечером была рвота, сегодня боли унялись. Снегирев уже вчера установил дежурство врачей. Дочерей допускают редко и ненадолго. Мария Львовна недовольна этим...».

Сентября 2.

«Ясный теплый день. Софье Андреевне предстоит сегодня лапаротомия. Л. Н. в 10 часов уехал верхом. Софья Андреевна попрощалась со всеми, просила прощения у няни и т.д. у всех. Родные и прислуга приходили к ней. С 11.45 до часу наркоз эфиrom в комнате Софьи Андреевны. И только когда наркоз начался, Снегирев осведомился, что приготовлено, какие растворы, и распорядился, что кому делать».

Цельный день была толкотня... Софья Андреевна стонала, жаловалась, что ей не лучше, чем до операции: что не все вырезали, не оставили ли чего? Вечером приехал Феноменов. Я объясняю себе взволнованность Снегирева тем, что операцию пришлось делать при начинающемся перитоните и повышенной температуре — операция очень рискованна...».

Из воспоминаний Ильи Львовича Толстого:

1906 г. Сентября 2.

«Очень тяжелые минуты пережил мой отец во время опасной болезни мама. Приглашенный по нашему вызову профессор В. Ф. Снегирев определил распадающуюся внутреннюю опухоль и предложил операцию».

Для большей уверенности в своем диагнозе и для консультации он попросил вызвать из Петербурга профессора Н. Н. Феноменова, но болезнь мама пошла такими быстрыми шагами, что на третий день, рано утром, Снегирев разбудил всех нас и сказал, что он решил не ждать Феноменова, потому что если не сделать операцию сегодня же, то мама умрет.

С этими словами он пошел к отцу...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1906 г. Сентября 4.

«Софья Андреевна кричит от боли... Приехала сиделка, так что здесь Снегирев, Полилов, Гайчман и она. Вечером приезжала из Тулы Елизавета Васильевна, инструментарка Чекана. Ко мне приехал на помощь для посещения тифозных фельдшер Ф. Н. Серегин от участкового врача (В Ясной Поляне переболело 64, в окрестных деревнях более 50 человек). Участковый врач предложил лекарства для тифозных из земских средств».

Сентября 7.

«Приехали Снегирев, Полилов, Андрей Львович. Снегирев уговаривал Софью Андреевну ехать в Гагры... Когда вечером Снегирев и Полилов уехали... Л. Н. сказал, что он думает, что Софье Андреевне это будет на пользу. На вопрос о том, поедет ли и он, сказал, что, может быть, да — бросить привычную жизнь, увидеть новое, а,

главное, ради Софьи Андреевны».

1906 г. Октября 15.

«Л. Н. настаивает на поездке Софьи Андреевны на юг.

По письму Снегирева видно, что он очень хочет, чтобы ты ехала в Крым...

Софья Андреевна: Разве я не поправляюсь?

Л. Н.: Да, но слишком медленно...

Потом о Снегиреве сказал:

— Он очень живой и приятный человек, что редко бывает у специалистов. Я сказал ему, что специальность даром не дается, то есть в том смысле, что человека суживает, но по отношению к Снегиреву это не так. Он избежал этого, он специалист, но не потерял всестороннего интереса в жизни...

За обедом Л. Н. определял по почерку характер Снегирева: и умный, и религиозный, и художественный.

— Я Снегирева обидел, сказав ему, что он поплатился за специальность. Я должен был прибавить: пьянством.

Татьяна Львовна: Разве он пьянствует?

Л. Н.: Как же! Я эту черту люблю. Он уходит из этого тяжелого мира в свой духовный уголок».

Из ежедневников С. А. Толстой:

«1905. 13 июня.

Приехал ко мне с утра профессор Снегирев с Алексеем Митрофановичем...».

«1905. 21 июня.

С утра сильные боли, лежала весь день. Телеграмма от Снегирева, приезжает завтра...».

«1906. 31 августа (записано после).

Началось воспаление брюшины, боли невыносимые. Телеграфировали Снегиреву.

«1906. 2 сентября (записано после).

Операция Снегирева. Лев Николаевич во время операции ушел в лес (в Чельж); велел позвонить один раз, если все благополучно обойдется, и несколько раз, если не благополучно».

«1906. 28 сентября.

Приезжали Снегирев и Полилов. Гонят в теплый климат; меня это расстроило».

Из ежедневников С. А. Толстой:

«1910. 31 декабря.

...Спасибо тем, кто приехал меня утешать. Были Сережа, Илья с Соней и три внука; Андрюша с женой, Вака Философов, Юл. Ив. Игумнова, сестра милосердия Терская, Душан Петрович, я. Интересно рассказал мне сын Илья, что ему сказал старый профессор Снегирев об уходе Льва Николаевича. Что существует такая форма воспаления легких, когда в самом начале делается ненормальное возбуждение и, зараженный ядом инфекции этого воспаления больной бежит из дома, беспокойно стремится сам не зная куда и блуждает. И вот Лев Николаевич бежал сначала из дому, потом из Шамордина, потом сам не знал куда. Брели билеты в три места. Снегирев предполагает, что Лев Николаевич уже из Ясной Поляны уехал больной...».

«1912. 8 июля.

...Вечером с Кузминскими прочли вслух письмо ко мне Вл. Фед. Снегирева от 19 апреля 1911 г.».

«1912. 1 сентября.

Вечером читала Варе Нагорной письма Снегирева...».

«1913. 5 марта.

...писала начерно Снегиреву и Кони, прося позволить напечатать их письма...».

СУХИНИН ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВИЧ

Из ежедневников С. А. Толстой

«1906. 9 июля.

Все грустно, Пете хуже, был доктор Сухинин...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1906 г. Июля 19.

«Л. Н. третий день какой-то грустный — наверно, нездоровится ему. До полудня Дора Федоровна поехала в Тулу за доктором Сухининым (для сына Пети). Не мог приехать — сломал себе ногу. За обедом Л. Н. ей:

Слышал, что ты ездила за доктором и что ты очень рада, что не приехал (потому что ребенку стало легче)».

1910 г. Февраля 11.

«Позвали доктора Сухинина к Александре Львовне, которая боится заразы тифозной... через меня».

Из воспоминаний В. Ф. Булгакова:

«7 августа 1910 г.

...Лев Николаевич взобрался на Дэлира, и мы ровным шагом поехали в сторону от шоссе по дороге на Овсянниково. Между тем пошел сильный дождь. Лев Николаевич заехал в имение Красноглазовой, где мы и спрятались в каком-то сарае. Прибежал гимназист, бойкий, цветущий мальчик лет пятнадцати, с славными, чистыми глазами.

— Лев Николаевич, пожалуйста к нам!

После минуты колебания Лев Николаевич слез с лошади, и под дождем мы пошли на дачу к гимназисту. Оказалось, что это семья тульского врача Сухинина, бывавшего и в Ясной Поляне у Льва Николаевича. Дома были только жена его и дети. Она была счастлива и всячески старалась оказать какую-нибудь любезность Льву Николаевичу. Сам доктор лежит больной в городе. С ним — несчастье: его старший сын Гриша, тот самый милый гимназист, который приглашал нас в дом, на охоте по неосторожности выстрелил отцу в ногу из дробовика...».

ТОЛСТАЯ МАРИЯ ЛЬВОВНА

Из книги С. М. Толстого «Дети Толстого»:

«...Умная, тактичная, блестяще знающая несколько иностранных языков, она стала его лучшим другом и помощником, переписывала рукописи по его поручению, все больше и больше заменяя свою мать. С отцом, но чаще одна, она помогала крестьянам в работе, целыми днями косила траву вместе с ними, доила коров, перекрывала крыши погоревших домов, учила грамоте крестьянских детей, лечила крестьянок в павильоне в Ясной Поляне (для этого она окончила фельдшерские курсы). Как отец, она стала вегетарианкой. Когда в июле 1892 года состоялся семейный раздел имущества (полмиллиона рублей), Маша отказалась от своей доли, как и отец ее еще девять лет назад отказался от собственности и выдал своей жене доверенность на ведение его имущественных и издательских дел. Эта аскеза и упорное стремление к нравственному идеалу отца не мешали ей брать от жизни все, что в ней было хорошего. Она отказалась от выходов в свет, от балов, от светской жизни в Москве, желанной для ее матери и сестры Татьяны; она полюбила простые радости: петь с братьями, играть на гитаре и балалайке, участвовать в деревенских праздниках, плясать и петь в хоре с крестьянками, которые ее обожали».

Из дневников С. А. Толстой:

«1891. 3 марта.

...Миша с Машей еще в санках, и больным в Ясенки и в Телятники, где лежит уже несколько месяцев мужик с страшной раной. Это хорошо, что Маша им занялась

и утешает его; это доброе, настоящее дело...».

ЧЕКАН ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

Из дневников С. А. Толстой:

«1902. 8 декабря.

...Ночевал тульский доктор Чекан...

...До пяти часов утра за Львом Николаевичем ходила я, потом Сережа. Доктора тоже сменялись: сначала Никитин, потом Чекан...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1906 г. августа 30.

«Софья Андреевна лежит, ей легче, опухоль та же. Пополудни ее навестил Чекан».

Сентября 1.

«...Пополудни... приехали... Чекан с инструментаркой Елизаветой Васильев-ной...».

Из ежедневников С. А. Толстой:

«1907. 2 декабря.

Ездил Душан Петрович за доктором Чеканом в Тулу, думал, что у Льва Николаевича вывих, но вывиха не оказалось...».

ЩЕГЛОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Из воспоминаний В. Ф. Булгакова:

«3 октября 1910 г.

...Поздно ночью приехал из Тулы доктор (Щеглов). Но он уже не видел Льва Николаевича. Душан объяснил ему болезнь как отравление мозга желудочным соком. На вопрос о причине судорог приезжий доктор отвечал, что они могли быть обусловлены нервным состоянием, в котором находился Лев Николаевич в последнее время, в связи с наличием у него атеросклероза...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1910 г. октября 3.

«Утром Л. Н. спал до 9.45. Я вошел к нему сначала один, потом с доктором Щегловым, приглашенным вчера вечером и успевшим приехать только после полуночи...

...Щеглову Л. Н. говорил:

В медицину я не верю. Ваше положение фальшивое. Все притворяетесь, что лечите, а лечение мне не нужно. Все, как по закону природы. То, что вы принимаете за болезнь, есть освобождение от вреда (от болезни). Природа своевременно, медленно действует, а выше действия — преждевременное вмешательство.

В дальнейшем разговоре Л. Н. сказал, что докторская деятельность гораздо лучше, чем судейская думская; она какой-нибудь старушке утешение.

Щеглов Л. Н. вичу показался приятен. Лишних освидетельствований не делал — только пульс, сердце, печень. Он посоветовал Л. Н. не переутомляться, а Софье Андреевне щадить Л. Н....».

Марина Баланюк
(г. Тула)

И СТО ЛЕТ СПУСТЯ ЛЕВ ТОЛСТОЙ ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ РОССИИ

Уже в семидесятые, в первой половине восьмидесятых годов XX века в России сложилась ситуация расслоения гражданского населения. Если раньше оно шло по горизонтали: крестьяне, рабочие, инженеры — люди полусвободных профессий — интеллигенция: архитекторы, художники, литераторы, просвещенцы, то сейчас, при политическом переломе, не учитывающим никоим образом историческую специфику, обстановка изменилась и соответствует социальному хаосу прошедшего времени, например, Французской революции 1789 года и Социальной революции 1917 года.

В отличие от ситуации постреволюционного периода 1917 года не ясны ни цели, ни задачи, ни ближайшие перспективы ввиду половинчатости проводимых преобразований (для примера: кардинальные реформы всего уклада русской жизни в 60—70 годов XIX века были проведены сразу и не столько по западным образцам, сколько со спецификой русской жизни и с учетом высказываний русских философов, литераторов, политических деятелей и администраторов эпохи Александра II).

Современная ситуация интеллектуальной жизни характеризуется отголоском полного системного кризиса, абсолютной неуверенности в ближайших перспективах и полным непониманием народа.

С другой стороны, любому здравомыслящему человеку (читающему, понимающему) ясно, чем вызван переход к политике гласности. Термин «гласность» был введен в эпоху Александра II в качестве основного 130 лет назад. Названия: гласные думы, гласные при выборе присяжных в судах (можем встретить в «Воскресенье» Л. Н. Толстого).

Итак, причина прихода «верхов» страны к такому решению («низов» никто не спрашивал) заключается в следующем: полностью разбалансировав экономику, сделал упор на неуверенные реформы и переориентировав внешнюю экономику на уровень слабо развитой страны (беспрецедентная продажа нефти и всех природных ресурсов) поставили экономику в колониальную зависимость от малочисленных, мало-земельных, не имеющих собственных ресурсов государств, для которых раньше Россия была покровителем, защитником или врагом.

В итоге программы, объявленной Рейгеном в первый срок его президентства — задушить Россию экономической гонкой вооружения — США выиграли и, учитывая приход к руководству СССР радикально мыслящего руководства, поняли всю сложность ситуации «СССР — остальной мир».

Здесь следует обратиться к публицистическому наследию Л. Н. Толстого, написанного им в период 1895 (начало первой империалистической войны США с Испанией за Кубу) — по 1910 год.

Л. Н. Толстой, будучи аналитическим (литературное прочтение, мемуары) и личным участником сложной эпохи русского государства XIX века, истории русского государства, смог сделать вывод, вывод *историка-литератора*, который не удалось повторить никому в мире!

Лев Николаевич Толстой, обладая совершенным родовитым генотипом патриота России, сумел осмыслить в литературной форме все движение Российской жизни в очень беспокойном XIX веке.

Не могу представить ни одного русского писателя, включая истовых народовольцев, кто бы так, отвлекаясь от узко социальных (дворяне, купцы, духовные) и узко политических взглядов (народники, нигилисты, социалисты), смог осознать и отобразить народную жизнь во всей ее полноте, верованиях, душевных устремлениях, как Лев Николаевич Толстой.

В эпоху первой перестройки России (80-е годы XIX века) государственные и общественные учреждения России брали за пример западную Европу (суд присяжных, ограниченный срок службы в армии, городское самоуправление, земства, Государственная Дума). А Лев Николаевич Толстой ориентировал свою аудиторию на приятие чисто христианских (общечеловеческих) догм общества; за основу он взял проверенный веками, историей, практикой жизни евангелические истины, которые соответствовали и будут соответствовать жизни цивилизованных людей в ближайшей перспективе (21 — 22 век).

Толстой был идеалист, как Николай Александрович Бердяев, Василий Васильевич Розанов, Лев Павлович Шестов, Соловьев. И он требовал невысказанного от людей. Представьте, ситуация через 70 лет, а теперь уже 100 лет после смерти Толстого — проблемы возникли вновь: когда история выходит из-под контроля людей, и смертным холодом веет на человечество, когда бессилён каждый человек в индивидуальности, когда нет никакой возможности человеку-индивидууму воздействовать на ход истории, то единственным выходом является индивидуальный протест, естественно, невооруженный, потому что, государство создало средства, подавляющее любой, даже самый массовый протест. Выход в индивидуальный мирный протест — *собственное самоусовершенствование*.

Этот метод Толстого был применен Махатмой Ганди в Индии в начале XX века (принцип гражданского неповиновения).

История повторяется в своих начальных окрасках. Как и в начале XX века, когда люди ожидали комету Галлея, карающую Землю, так и сейчас переполнены храмы, мечети, кумирни. Пусть с рациональной точки зрения учения Толстого не выдерживают критики, но когда нет выхода из ситуации, предложенной нам мировым развитием, и когда не видно даже более или менее обеспечиваемого философскими учениями выхода из данной ситуации, то учение Толстого представляется нам самой серьезной альтернативой существующему безверию, апологетству и беспочвенному обоснованию нереальных движений хода истории.

Мы часто обращаемся к наследию Толстого в поисках ответа на животрепещущие темы дня. Был период, когда спрашивали о патриотизме — Толстой дает толкование патриотизма. Он по-разному говорил («Севастопольские рассказы»).

У России было много знаменитых людей. Еще больше число их было похоронено как знатные люди. Россия — поздняя страна, она опоздала с разумом, с наукой, с манерами, но в чем-то она и выиграла: в душевном здоровье нации, в спокойствии и в подспудной свободе.

Лев Николаевич Толстой прекрасно это понял и отобразил в своих писаниях, он отобразил превосходство лучших черт русского народа и запечатлел в своих произведениях («Война и мир» том 3, гл. 7—11, «Воскресенье» гл. I, II и окончание, «Казачьи», «Хозяин и работники», цикл «Народные рассказы», «Азбука», «Фальшивый купон»).

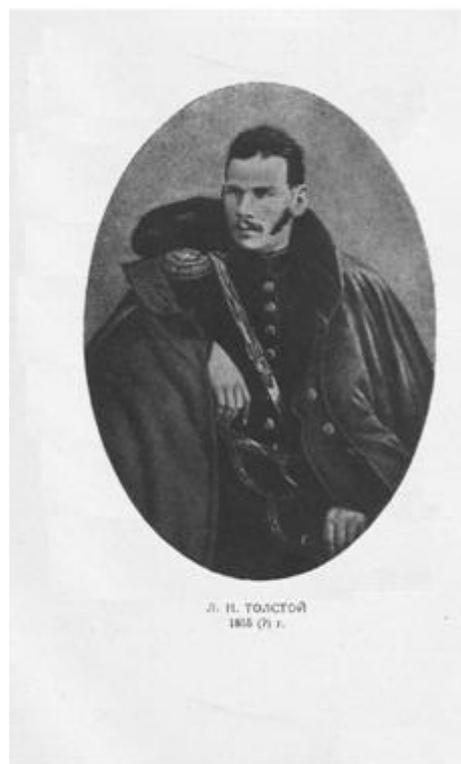
Каждый, кто приезжает в Ясную Поляну, неважно скучающий ли это по впечатлениям зарубежный турист, ограниченный суперцивилизацией, либо орловец, липецкий житель, москвич — входя на «Прешпект» Ясной Поляны, понимает, что здесь улетучиваются все нормы и требования, желания суетной жизни. Он понимает, что вступил в зону с виду абсолютно российскую, но в тоже время отличающуюся от обычного быта российской жизни. Впервые в российской истории здесь жил человек, который, пройдя все искушения барской жизни, в силу своего интеллекта понял и постарался донести до всего мира евангельскую идею отречения от мирских благ как сиюминутных, невещных, преходящих, отрицающих право властвования одного над другим или многими, и первым в нашем времени провозгласившим: «Общее на потребу, не убий, полюби ближнего, отдай все свое людям».

Факт смерти Толстого не имеет аналогов в истории мировой литературы, и это является подтверждением его веры в грядущее возрождение человечества: «Отринь свои желания ради блага ближнего».

Заслуга потомков графа Л. Н. Толстого состоит в сохранении духовного величия мирового писателя путем ограничения влияния цивилизации.

Кажется, давно перестали задевать — ибо перешли в историю, — все прегрешения Льва Николаевича Толстого перед властью и перед церковью.

Приложение:

Фототипия с фотографического портрета времени написания «Севастопольских рассказов». Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, Том 2, Москва — 1935 год, между XII и 1 страницей.

План осады г. Севастополя и расположения войск 27 августа — 8 сентября 1855 г. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Москва.— 1932 г. Том 4, между 120 и 121 страницей.

Фрагмент «Севастопольских рассказов» — «Севастополь в августе» Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Москва.— 1932 г. Том 4, 115—116 страница.

Далее: автопия части 4-й полосы 7-й формы корректуры рассказов «Севастополь в августе» — между 116—117 страницей.

* * *

Но не такая участь ожидала Володю. Он слушал сказку, которую рассказывал ему Васин, когда закричали: «Французы идут!» Кровь прилила мгновенно к сердцу Володи, и он почувствовал, как похолодели и побледнели его щеки. С секунду он оставался недвижим; но, взглянув кругом, он увидел, что солдаты довольно спокойно застегивали шинели и вылезали один за другим; один даже — кажется, Мельников — шутиливо сказал:

— Выходи с хлебом-солью, ребята!

Володя вместе с Влангой, который ни на шаг не отставал от него, вылез из блиндажа и побежал на батарею. Артиллерийской стрельбы ни с той, ни с другой стороны совершенно не было. Не столько вид спокойствия солдат, сколько жалкой, нескрываемой трусости юнкера возбудил его. «Неужели я могу быть похож на него?» — подумал он и весело подбежал к брустверу, около которого стояли его мортирки. Ему ясно видно было, как французы бежали к бастиону по чистому полю, и как толпы их с блестящими на солнце штыками шевелились в ближайших траншеях. Один, маленький, широкоплечий, в зуавском мундире, с шпагой в руке, бежал впереди и перепрыгивал через ямы. «Стрелять картечью!» — крикнул Володя, сбегая с банкета; но уже

мортирки. Ему ясно было видно, как французы бьжали к
 месту по чистому полю и как толпы их, с блестящими на
 солнце штыками, шевелились в ближайших траншеях. Один,
 маленький, широкоплечий, в зуавском мундире и шапкой бь-
 жал впереди и перепрыгивал через ямы. «Стрелять кар-
 течью!» крикнул Володя, сбьгая с бьжкета; но уже сол-
 даты распорядились без него, и металлической звук выпу-
 щенной картечи просвистал над его головой, сначала из
 одной, потом из другой мортиры. «Первое! второе!» коман-
 довал Володя, перебегая в дьму от одной мортиры, к дру-
 гой и совершенно забыв об опасности. Сбоку слышалась близ-
 кая трескотня ружей нашего прикрытия и суелливые крики.
 Вдруг поразительный крик отчаяния, повторенный нескольки-
 ми голосами, послышался слева: «Обходят! обходят!» Володя
 оглянулся на крик. Человек двадцать французов показались
 сзади. Один из них, с черной бородой, красивый мужчина,
 был впереди всех, но, добжав шаг на десять до батареи,
 остановился и выстрелил прямо в Володю и потом
 снова побьжал в дьму. С секунду Володя стоял, как ока-
 менелый, и не вьрил глазам своим. Когда он опомнился и
 оглянулся, впереди его были на бруствере синие мундиры: кру-
 гомь него, кроме Мельникова, убитого нулею подь него, Вла-
 димир, схватившего в руки ~~Володю~~ и с яростным выражением
 лица, опущенными зрачками, бросившегося вперед, никого не
 было. «За мной, Владимир Семеныч! за мной!» кричали от-
 чаянный голос. Владимир махавшего на французов,
 зашедших сзади. Иростная, ~~улыбка~~ фигура юнкера озадачила
 их. Одного, переднего, он ударил по голове, другие невольно
 приостановились, и Владимир продолжал оглядываться и отчаян-
 но кричать: «За мной, Владимир Семеныч! что вы стоите?
 бьйте!» Он побьжал к траншею, в которой лежала наша
 ибьота, стреляя по французам. Вскочив в траншею, он сно-
 ва высунулся из нея, чтобы посмотреть, что дьлается Володя.
 Что-то в шинели ничкомь лежало на томь месте, где стоял
 Володя, и все это время было ~~наполнено~~ французами, стреляв-
 шими в нашу.

Часть 4-я полоса 7-й формы корректуры рассказа «Севастополь в августе».

Размер подлинника.

солдаты распорядились без него, и металлический звук выпущенной картечи просвистел над его головой, сначала из одной, потом из другой мортиры. «Первое! второе!» — командовал Володя, перебегая в дьму от одной мортиры к другой и совершенно забыв об опасности. Сбоку слышалась близкая трескотня ружей нашего прикрытия и суелливые крики.

Вдруг поразительный крик отчаяния, повторенный несколькими голосами, послышался слева: «Обходят! Обходят!» Володя оглянулся на крик. Человек двадцать французов показались сзади. Один из них, с черной бородой, в красной феске, красивый мужчина, был впереди всех, но, добжав шагов на десять до батареи, остано-

вился и выстрелил и потом снова побежал вперед. С секунду Володя стоял, как окаменелый, и не верил глазам своим. Когда он опомнился и оглянулся, впереди его были на бруствере синие мундиры, и даже один, спустившись, заклепывал пушку. Кругом него, кроме Мельникова, убитого пулею подле него, и Вланга, схватившего вдруг в руки хандипуг и с яростным выражением лица и опущенными зрачками бросившегося вперед, никого не было. «За мной, Владимир Семеныч! За мной! Пропали!» — кричал отчаянный голос Вланга, хандипугом махавшего на французов, зашедших сзади. Яростная фигура юнкера озадачила их. Одного, переднего, он ударил по голове, другие невольно приостановились, и Вланг, продолжая оглядываться и отчаянно кричать: «За мной, Владимир Семеныч! Что вы стоите! Бегите!» — подбежал к траншее, в которой лежала наша пехота, стреляя по французам. Вскочивши в траншею, он снова высунулся из нее, чтобы посмотреть, что делает его обожаемый прапорщик. Что-то в шинели ничком лежало на том месте, где стоял Володя, и все это пространство было уже занято французами, стрелявшими в наших.

(Лев Толстой. Севастопольские рассказы).

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК ДАВНО МИНУВШИЙ

(перечитывая роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»)

Людмила Евгеньевна Авдеева — литературовед, культуролог, журналист-международник, поэт. Автор более двадцати поэтических сборников, книг для детей, многочисленных статей, очерков, научных работ по культуре стран Ближнего и Среднего Востока. Член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, ветеран-интернационалист, лауреат ряда московских и международных конкурсов и фестивалей поэзии.

Общеизвестно стремление Льва Николаевича Толстого к точному воспроизведению жизненной правды, вплоть до мельчайших деталей. Об этом свидетельствует история создания «Власти тьмы», «Воскресенья», «Живого трупа» и других произведений. Много лет назад в своей научной работе, опубликованной в «Вестнике московского университета», я досконально анализировала отражение общественной жизни 70-х гг. XIX века в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Роман, который вышел за традиционные рамки «семейного», стал, по словам Фета, «строгим неподкупным судьей всему строю жизни», в которой «все неправда, все ложь, все обман, все зло». Сопоставление страниц романа с материалами крупнейших официальных газет, в том числе «Русского вестника», «Русской мысли», «Московских ведомостей», которые Льву Николаевичу бесплатно регулярно присылал издатель М. Н. Катков, подтверждает, что Толстой показал пореформенную жизнь России во всей сложности и противоречивости. Писатель поднял важные для России вопросы поземельных отношений, всеобщей воинской повинности, положения инородцев, русско-турецкой войны, славянский вопрос, проблемы воспитания и образования.

Перечитав недавно роман «Анна Каренина», я была поражена схожестью злободневных проблем второго пореформенного десятилетия XIX века и первого десятилетия XXI перестроечного века.

Л.Н. Толстой проявлял глубокий интерес к социальной жизни России. Близость Константина Дмитриевича Левина к автору определяется не столько бытовыми деталями из жизни Ясной Поляны, сколько сходством идейных и религиозно-этических исканий, рассуждениями о важнейших экономических и политических вопросах современности. Чтение Левиным книг социологов и экономистов, обсуждение актуальных проблем на охоте, на дворянских выборах, с либералами и консерваторами, с родственниками и случайными знакомыми передает не только настроения самого писателя, но и общества в целом.

Внимательный современный читатель сразу же отметит, насколько тождественны замечания и высказывания героев романа нашему сегодняшнему дню.

Левин присутствует на выборах в Кашинской губернии, где предполагается замена старого губернского предводителя, в руках которого находятся все гимназии,

опеки, огромные дворянские денежные суммы. Будучи некоторое время членом управы в земстве, Левин очень скоро понял, что «никакой земской деятельности нет... с одной стороны играют в парламент, а с другой это средство для уездной партии наживать деньжонки... не в виде взяток, а в виде незаслуженного жалованья» (т. 18, с. 21). В черновой редакции романа Левин, будучи мировым судьей, стал жертвой шайки «уездных воров», «за борьбу с ними по воровству земских денег» (т. 20, с. 118). Работа уездных управ была хорошо знакома Толстому. В сентябре 1858 г. он участвовал в дворянском съезде, избравшем депутатов в Тульский губернский комитет по улучшению быта крестьян. В числе 105 дворян он поставил свою подпись под «Мнением» о необходимости освобождения крестьян с землей. (Это «Мнение» было опубликовано в № 12 «Современника»). С мая 1861 г. писатель был мировым посредником Крапивенского уезда, но уже в апреле 1862 г. вынужден был уйти в отставку, так как встречал противодействия своим распоряжениям. Толстой, используя сообщения газет и свой собственный опыт, подробно описывает каждый день губернских выборов с их обычными действиями — посещением собора, ежегодными отчетами, утверждением смет, административными делами. Газеты этого периода, в том числе «Московские ведомости», которые Лев Николаевич читал, писали, что депутаты и гласные «охладевают к своему делу, перестают видеть в нем серьезное дело государственного значения», что их деятельность не дает «практических результатов для государства и для отечества, каких от них ожидали». Пресса отмечала, что «многие собрания проходят вяло за малочисленностью гласных, иные вовсе не состоялись за неприбытием законного числа членов». Состояние дел в уездных и губернских земских собраниях нашло зеркальное отражение в романе и весьма напоминает сообщения современных СМИ о коррумпированности чиновников, неспособных насытиться своими баснословными по сравнению с населением окладами. Невольно видятся телевизионные кадры полупустых залов думских заседаний и члены фракций, нажимающие кнопки для голосования за своих коллег.

Думаю, интересны сегодняшнему читателю раздумья Толстого-Левина о противоестественности для экономического развития России капиталистического пути. Размышляя о самобытности русского исторического процесса, Левин на примере преобразований патриархально-натурального хозяйства в русской деревне, рассуждает о том, насколько чужды русскому характеру законы капитализма, делающие город носителем социального зла и источником разлагающего влияния на деревню. И хотя в период написания романа в России складывался именно буржуазный, капиталистический строй, Толстой пророчески видел его последствия, считая, что Россия не обязана в своем развитии повторять опыт Европы, выражая, устами своего героя, несогласие с тем, что только при деспотической власти и принудительном характере труда государство может успешно развиваться. В настроениях и исканиях Левина писатель отразил действительно актуальные в те годы явления жизни. Сам Толстой так же пытался реализовать свои проекты привлечения крестьян к прибылям в хозяйстве, заменив барщину оброком, хотя и осознавал непримиримость интересов хозяев-помещиков и крестьянства. Выводы Левина по изысканию путей некапиталистического развития России весьма наивны и утопичны и сводятся к тому, что надо жить, как жили деды, но больше работать и меньше позволять себе роскоши. Однако идея о том, что возможна «революция бескровная, но величайшая сначала в маленьком кругу уезда, потом губернии, России, всего мира», когда утвердится «вместо бедности — богатство... вместо вражды — согласие и связь интересов», была близка многим, кого волновали в те годы формы общественного и политического устройства России (т. 18, с. 363).

А разве сегодня мы не являемся свидетелями многочисленных дискуссий на ту же тему? Разве современные политики, ученые, социологи, политологи, экономисты

не ломают копья, обсуждая на теледебатах, на страницах прессы и книг, на круглых столах и многочисленных форумах, куда завел Россию «дикий капитализм», не спорят о значении для России разумного направленного гражданского пути развития?

Вспомним, как гневно обличает Лев Николаевич в романе «Анна Каренина» государственный аппарат, бюрократизм министров, комиссий и комитетов, казнокрадство чиновников самых высоких рангов, их безответственность, произвол, вопиющие злоупотребления власти при полной безгласности простого народа, права которого повсеместно нарушаются. Толстой развенчал бюрократический государственный аппарат Российской империи, убедительно показав, что власть имущие представляют особую, «неприкасаемую касту», поставленную над населением. Читая сегодня страницы романа, связанные с личностью Каренина, всю жизнь проработавшего «в сферах служебных, имеющих дело с отражением жизни» (т. 18. с. 151), невольно думаешь, насколько подобные «типичные» представители бюрократического аппарата укоренились на «теплых местах» в нашей многострадальной России. Как они уверены в важности своих зачастую никчемных реформ, как много говорят о борьбе с коррупцией, продолжая нагло брать баснословные взятки, «прикупая» недвижимость, чувствуя свою безнаказанность и «неприкосновенность». А в это время русские деревни XXI века пустеют, сидят без электричества и связи, необоснованно растут тарифы и цены в городах.

Каренин в романе разрабатывает новый указ о всеобщей воинской повинности. В январе 1874 г. была проведена военная реформа в России, отменившая двадцатилетнюю рекрутскую службу, которую несли только сословия мещан и крестьян. Толстого реформа о всеобщей воинской повинности глубоко интересовала. Еще в 1871 г. в письме С. С. Урусову он писал о том, что государству нужно «с наименьшими расходами иметь наисильнейшее войско» и ратовал за то, чтобы «не уничтожать тип старого русского солдата, давшего столько славы русскому войску». Толстой отмечая, что, если «государство может заставить всех мужчин идти в солдаты, ...то оно может вместо солдатства на всех наложить лишний налог деньгами» (т. 61, письмо № 328).

Сегодня необходимость военной реформы, проблемы армии, положение военнослужащих обсуждаются на всех уровнях. Предлагается и создание армии профессиональной, по контракту, и возможность для новобранцев заплатить миллионный налог и «откупиться» от службы. Естественно, что подобным «откупом» смогут воспользоваться сынки денежных воротил, а солдатскую форму оденут на «безденежные сословия». Что бы сегодня написал Лев Николаевич о «непопулярных» реформах демократов? А как бы оценил отношения русских и инородцев?

Проблемы инородцев волновали писателя, он был возмущен их разорением, бедственным положением, о чем писал издателям «Московских ведомостей», призывая «всех русских подать помощь» и требуя, чтобы инородцам была оказана «государственная или общественная помощь» (т. 62. письма № 35—42). В романе Каренин участвует в назначении особой комиссии по устройству инородцев, что вызывает столкновение нескольких министерств. Толстой едко, с иронией описывает работу этой комиссии, которая получает «точные и несомненные сведения» о политическом, административном, экономическом, этнографическом, материальном и религиозном положении инородцев на основании донесений губернаторов и архиереев, которые в свою очередь получили сведения от уездных начальников, полагающихся на данные чиновников низших ступеней. В процессе работы над эпилогом Толстой очень много и мучительно думал над славянским вопросом, о Сербской войне, пережил сложную эволюцию от прямого отрицания необходимости участия русских добровольцев в Балканской войне до понимания энтузиазма, которым было охвачено русское общество. Назревавшая война волновала писателя, и он даже ездил в Москву, узнавать

подробности, интересовался в письмах Фету судьбой его брата И. А. Шеншина, который добровольцем уехал в Черногорию. Славянский вопрос, национально-освободительное движение не оставили равнодушными светские круги Москвы и Петербурга. «Сочувствие к страдающим и негодование к угнетателям», охватившее общество, «геройство сербов и черногорцев, борющихся за великое дело, породило во всем народе желание помочь своим братьям уже не словом, а делом» (т. 19. с. 353). Читая эти страницы, вспоминаешь о недавних событиях в Косово, о том горе и боли, которые выпали близкому нам славянскому народу — сербам, уже не нашедшим той братской поддержки, на которую были способны все слои общества царской России. А две чеченские войны и нынешняя враждебность к людям «кавказской» национальности, выливающиеся в жестокие факты насилия, террора, убийств. Тревожные предчувствия Льва Николаевича о том, к чему может привести равнодушие и формальное отношение к серьезным проблемам, какие вредные последствия для политического и экономического состояния всей страны могут иметь необдуманные «чиничьи» решения и пустые указы, звучат более чем актуально.

Не менее актуальны, поставленные в романе проблемы воспитания и образования, которые были хорошо знакомы Толстому и практически, и теоретически. По вопросам воспитания и образования в русском обществе всегда шла полемика. Борьба между сторонниками «классического» и «реального» образования доходила даже до трагического исхода. Так, брат редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова Мефодий Николаевич Катков, будучи ярким сторонником «реального» образования, стрелял 11 сентября 1874 г. в соиздателя газеты М. Н. Леонтьева, который был одновременно директором лицея имени цесаревича Николая и защитником системы «классического» образования. Толстой принимал активное участие в дискуссии, считая, что министр народного образования Д. А. Толстой «делает ужасные глупости в самой важной отрасли... в народном образовании» (т. 62. письмо № 82).

В романе Каренин — сторонник классического образования, так как убежден, что «влияние классических писателей в высшей степени нравственное, тогда как... с преподаванием естественных наук соединяются вредные и ложные учения». Каренин так же сторонник введения религиозного элемента в воспитание (т. 18. с. 407).

Работая над романом, Толстой читал много литературы по педагогике и вопросам воспитания, изучал прессу. Лев Николаевич разделял высказывания «Московских ведомостей» о том, что «мнение о возможности подготовиться к университетским занятиям лучше в реальных гимназиях, чем в классических, вдвойне ошибочно». В письме к Н. Н. Страхову в апреле 1974 г. Толстой писал, что «люди, ничего не знающие, бездарные, не знающие даже того народа, который они взялись образовывать, забрали в руки все дело народного образования» (т. 62. письмо № 66). Слова Толстого перекликались с осуждением системы образования в России в «Русском вестнике» 1874 г., писавшем, что в гимназиях идет «систематическая кретинизация несчастных детей», и что воспитывать надо на «родных песнях, да на родной истории». Читая переписку Льва Николаевича, страницы романа, посвященные проблемам воспитания и образования, прессу того периода, все время ловишь себя на мысли, настолько злободневны поднятые темы, как перекликаются они с нынешними жаркими спорами о Едином государственном экзамене — ЕГЭ, о школьных программах, в которых нет места классической поэзии и великой русской литературе, об учебниках, фальсифицирующих отечественную историю в угоду групповым интересам.

А положение части нынешней интеллигенции, образованных людей, под влиянием развивающихся рыночных отношений оказавшихся не у дел, испытывающих материальные трудности, вынужденных искать любую работу или «доходное» место, что стало типичным явлением нынешней эпохи, как в свое время для среды и эпохи Толстого. Под влиянием развивающихся капиталистических отношений резко меня-

ется жизнь русского дворянства и разоряющийся Степан Аркадьевич Облонский, из рода Рюриковичей, испытывая неловкость, несколько часов сидит в приемной, прося должности «члена комиссии от соединенного агентства кредитно-взаимного баланса южно-железных дорог». А сколько ныне расплодилось трудно выговариваемых офисов, объединений, ассоциаций, с многочисленными менеджерами с купленными дипломами — людьми на все руки, покупающими и продающими, но ничего не производящими.

А как красноречивы в романе представители всевозможных политических веяний: либералы, консерваторы, радикалы, социалисты. Причем между ними «господствует удивительная симпатия», хоть и говорят они «разным жаргоном, но делали одно дело и тянули в одну сторону». В черновых вариантах Левин рассуждает о коммунистах и социалистах, считая, что «все люди, работающие в их направлении» приводят «доводы более широкие и разумные» и «укажут злоупотреблений больше», так как для них существует не просто угнетение, а «угнетение половины рода человеческого» (т. 20. с. 572). Облонский же воспринимает либеральные веянья эпохи, так как «либеральная партия говорила, что в России все дурно... что брак есть отжившее учреждение, и что необходимо перестроить его» и это совпадало с его положением (т. 18. с. 9). Разве незнакомы подобные речи всем нам из уст нынешних политиков.

А стремление к европейским эталонам в быту «новых русских», так схоже с жизнью Анны и Алексея Вронского в имении. Их быт лишен специфических русских начал. Имением управляет немец, распорядок дня — английский, говорят в основном по-французски, за девочкой ухаживает бонна-англичанка. Все вещи выписываются из-за границы. А чего стоит филантропическая деятельность Вронского, так напоминающая нынешних «меценатов», основная цель спонсорства которых обесмертить собственное имя на стенах храма, галереи, фонда. Вронский строительство школ считает тривиальным, так как это «делают все». Он строит больницу на американский манер, с мраморными полами и ваннами, с креслами, выписанными из-за границы. Но в этой больнице отсутствует родильное отделение, и не будут лечить от заразных болезней. Вронскому даже в голову не приходит, что подобное увековечивание своего имени насмешка над нуждой и болезнями крестьян. А разве нынешние СМИ не сообщают случаев, когда простаивает в некоей сельской больнице медицинское оборудование, завезенное спонсорами, из-за отсутствия специалистов, или компьютеры в школе далекого поселка разворованы и ржавеют без дела. Конечно, в эпоху Толстого, и тем более в наш «просвещенный» век, никто не отрицает возможностей использования европейского опыта, прогрессивных методов ведения хозяйства, лучших западных технологий, но призывы делать это разумно, не забывая о собственных достижениях и национальных интересах, остаются не услышанными.

В ноябре 1876 г. Толстой писал Фету: «...страшно становится, когда я начинаю вдумываться во все сложности тех условий, при которых совершается история» (т. 62 письмо № 292). И сегодня, каждый, кому небезразлично настоящее и будущее Отечества, мучительно «вдумывается» в то, как и кем пишется современная история страны и верит в «воскресение» России, обращаясь к творчеству великих творцов мировой культуры, среди которых патриарх русской литературы Лев Николаевич Толстой. А закончить хочу строками, родившимися в период работы над этой статьей.

*Век нынешний и век давно минувший —
Перекликаются живые голоса:
«Кто виноват?» «Что делать?» «Где нам лучше?»
«В чем моя вера?» «Чем жива душа?»*

*На вечные вопросы нет ответа.
А совесть не найдет никак покой.
И следует за строчками поэта.
Ей поводырь — великий Лев Толстой.*

*И размышляешь так, как мыслил Левин,
И Анну то осудишь, то поймешь.
Иное вслед идет нам поколенье,
Но верую, что эта молодежь*

*Перечитает снова «Воскресенье»,
«Войну и мир», страницы дневников.
И сбросив груз, нас мучивших сомнений,
Как мать, Россию защищать пойдет.*

*Ссылки даются с указанием тома, страниц и номеров писем по изданию: Л. Н. Толстой.
Полн. собр. соч., юбилейное изд. М., Гослитиздат, 1939.*

Анатолий Горелов
(г. Москва)

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Горелов Анатолий Алексеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, автор более 30 книг, вышедших общим тиражом более 0,5 млн экз, в том числе монографий: Экология — наука — моделирование. М., 1986; Расщепленный человек и целостная личность. М., 1990; Человек — гармония — природа. М., 1990; Эволюция культуры и экология. М., 2002; Индивидуальность и эволюция. М., 2006 и учебных пособий: Концепции современного естествознания. М., 1996—2007 (28 изданий); Экология. М., 1998—2007 (12 изданий); Социальная экология. М., 2002—2007 (4 издания); Философия. М., 1995—2007 (5 изданий); Основы философии. М., 2003—2007 (6 изданий); Этика. М., 2002—2007 (3 издания); Социология. М., 2002—2007 (5 изданий); Политология. М., 2002—2007 (5 изданий); Культурология. М., 2001—2007 (4 издания); История мировой культуры. М., 2007; История мировых религий. М., 2005—2007 (3 издания) в следующих издательствах: «Наука», «Академия», «Эксмо», «АСТ», «Флинта», «Юрайт», «Московский лицей» и др.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ВСТРЕЧА В ПАРКЕ

Я шел утром по старой Владимирке, ныне находящейся в пределах Терлецкой дубравы. Вокруг никого, солнышко блестит, небо ясно. Вдруг из аллеи мне навстречу поворачивают два молодых человека, одетые не по погоде и с иголки — в белых костюмах и галстуках. У одного в руках кейс, у другого — журнал. Поравнявшись со мной, тот, который с журналом, спросил: «Вы знаете, в чем смысл жизни?» Глядя ему в глаза, я спокойно ответил: «Знаю. Если вы имеете в виду смысл жизни растений, то он в трансформации солнечной энергии в биологическую, тогда как смысл жизни животных в трансформации низкоуровневой биологической энергии в сложноорганизованную. Что же касается смысла жизни человека, то он заключается...». Пока я говорил лица ребят вытягивались, и на них застывало удивление. Закончив монолог я отправился дальше, оставив их в некотором оцепенении. Читатель, по-видимому, догадался, кем были незнакомцы. К кому только не подходят сейчас миссионеры старых и новых сект.

Я же сел на скамейку, и мне вдруг тоже захотелось начать спрашивать у прохожих, знают ли они смысл жизни. Как они будут реагировать? Может кто-то вздрогнет и ускорит шаг, кто-то остановится в недоумении, а кто-то не обратит внимания, но потом расскажет близким о неожиданном вопросе.

В данном тексте автор предлагает свое понимание смысла жизни, но считает, что каждый человек должен приходить к осознанию смысла жизни самостоятельно. Путь

к этому: 1) становление целостной духовной личности; 2) осмысленная и значимая деятельность; 3) реализация собственной уникальной жизненной программы.

ЗНАЧЕНИЕ СМЫСЛА ДЛЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Зачем я живу? Для какой цели я родился? В чем смысл моей жизни? Редко кто задумывается над этими вопросами, а если они приходят в голову, от них отмахиваются, как от назойливой мухи, и продолжают плыть по течению времени на волнах своих и чужих страстей в утлом челне собственного рассудка или на более надежном корабле чужого, заемного ума. Но как бы ни были мы погружены в суету быта, вопрос о смысле неизбежно встает перед нами постольку, поскольку мы остаемся людьми. Если днем мы успешно убегаем от него в будничные пустяшные дела, он подстерегает нас ночью в часы бессонницы, которая, являясь физическим симптомом нашего душевного неблагополучия, как будто специально создана для того, чтобы заставить нас наконец задуматься о себе и о своем предназначении.

Слово «смысл» образовалось после редуцирования гласной «о» (что часто случалось в русском языке) из со-мысль, что означает сопряжение, совокупность мыслей, целостность мысли, единство чувственного и рационального, целомудрие (аналогично словам со-знание, со-весть, со-чувствие, со-звучие и т.д.). Предлог «со» (как и в словах «сознание», «совесть») можно понимать двояко: как соединение мысли индивида и как соединение мыслей всех людей. Понимание в первом значении приложимо к индивидуальному смыслу, понимание во втором значении — к общечеловеческому смыслу. В словаре В. И. Даля смыслом называется способность понимания, способность правильно судить, делать заключения, способность обсуждать причины и правильность действий. В словаре С. И. Ожигова под смыслом понимается внутреннее содержание, значение чего-либо, цель, разумное основание. В английском языке смысл обозначается как «sense» (чувство, сознание) и «meaning» (значение). В греческом языке «смысл» обозначается очень многозначным словом «logos», который переводится как знание, понятие, мысль, разум, слово. Поэтому первые слова Евангелия от Иоанна, которые обычно звучат «В начале было слово» (буквально в греческом тексте «логос»), можно перевести «В начале был смысл». Л. Н. Толстой переводил «В начале был разум».

Скажем и о том, что такое жизнь. Это особый уровень организации материи, характеризующийся, в отличие от неживого, в вещественном плане наличием макро-белков и нуклеиновых кислот, в структурном плане — наличием клетки, в функциональном плане — способностью к воспроизводству. Человек — существо целеполагающее, причем ставящее себе цели сознательно. Он обладает системой целеполагания — мозгом и сознанием. Единство целей, сознательно осуществляемых в жизни, и есть ее смысл. Если осуществляемые цели противоречат друг другу, то их единство — смысл — остается туманным и нереализованным.

Смысл жизни считается в философии важнейшим системообразующим показателем полноценного человеческого существования, хотя это может выглядеть странным для того, кто никогда не задумывался, зачем он живет.

В сущности речь идет о самом важном для людей, оказавшихся заброшенными в жизнь, и о подлинно основном вопросе направления человеческой мысли, получившего название философии. От того, как отвечает или не отвечает на данный вопрос человек, зависит его мироощущение и мировоззрение. Каждый отвечает (по крайней мере, должен отвечать) на этот вопрос самостоятельно, но в его распоряжении имеются в качестве подспорья плоды человеческой культуры. Можно сколько угодно смеяться над философскими трактатами, нравственными максимами, религиозными молитвами и просто житейскими рассуждениями о смысле жизни — часто они действительно смешны и нелепы, — но тем не менее от подобных размышлений никуда

не уйти до тех пор, пока человек остается человеком, а лучшее из того, что написано по этому больному вопросу, способно «в минуту жизни трудную» очистить в качестве духовной гигиены душу от загрязнения, подобно тому как очищает тело гигиена физическая.

Выдающийся американский психолог XX века А. Маслоу причисляет стремление к смыслу к высшим потребностям, называя его первичным человеческим побуждением. По мнению современного психолога В. Франкла, для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в то, что его поступки имеют смысл. Поиск и реализация человеком смысла своей жизни рассматривают как врожденную мотивацию, присущую всем людям. Потерю же смысла жизни называют экзистенциальным вакуумом.

Результат потери смысла жизни — негативное к ней отношение и нигилизм, что ярко выразил К. Д. Бальмонт.

*«И так как жизнь не понял ни один,
И так как смысла я ее не знаю, —
Всю смену дней, всю красочность картин,
Всю роскошь солнц и лун — я проклиною».*

По социологическим данным, полученным при опросе американских студентов, пытавшихся покончить жизнь самоубийством, 85 % из них не видели больше в своей жизни никакого смысла, хотя при этом 93 % из них были физически и психически здоровы, жили в хороших материальных условиях и удовлетворяли все свои повседневные потребности.

Самоубийство связано с потерей смысла жизни непосредственно. Человек не понимает, зачем он живет, и уходит из жизни. Но необязательно данный вопрос может стоять перед человеком и быть задан им самому себе. Связь между самоубийством и потерей смысла жизни существует и на бессознательном уровне. Как показал Э. Дюркгейм в своем классическом труде «Самоубийство. Социологический этюд», главной причиной суицида является разрыв связей человека с окружающим миром — с людьми, природой, космосом. Человек остается один на один с самим собой и поэтому не может не утратить смысл своей жизни, который находится как раз в его отношении к миру.

Потеря смысла жизни — причина многих болезней, преступлений и добровольного ухода из жизни. Яркий пример — скандинавские государства. Это страны с очень высоким уровнем жизни и заботой государства о населении. О человеке здесь заботятся с рождения и до глубокой старости. С момента появления на свет детей родители получают пособия, достаточные для содержания всей семьи. Дальше бесплатное обучение, высокая зарплата. В случае безработицы — пособие, на которое вполне можно прожить. После окончания трудового пути — высокие пенсии, при желании помещение в дом для престарелых со всеми удобствами и с необходимым медицинским обслуживанием. Даже преступники в тюрьмах живут вполне комфортно — с телевизором и отпусками. Казалось бы, жить да жить. Но именно жители наиболее благоприятных в материальном отношении стран с наиболее высоким уровнем жизни, а именно скандинавы, оказываются впереди и по числу самоубийств. Почему? Из-за потери смысла жизни. Как говорил выдающийся кинорежиссер М. Антониони, снявший много фильмов, посвященных психологическим проблемам в развитых странах, после преодоления материальных трудностей перед людьми как раз и встанут подлинные проблемы их существования. Это проблемы смысла, которые отходят на второй план, когда насущными являются проблемы материального выживания, и вновь становятся главными, когда те оказываются решенными. И тут выясняется, что найти смысл жизни не легче, чем обеспечить выживание. Результат

такой же, как и от нерешенности материальных проблем — уход из жизни, на этот раз добровольный.

По данным В. Франкла, 20 % всех неврозов являются ноогенными, т.е. связанными с утратой смысла жизни. Американские психиатры писали когда-то, что неврозы реже встречаются в СССР, чем в США, потому что там люди чаще сталкиваются с необходимостью выполнения определенного дела. В условиях навязывания коммунистической идеологии проблема смысла решалась проще. Ныне в условиях нестабильной жизни и резкого изменения ценностей имеет место рост числа заболеваний и самоубийств в России. От одних, коммунистических, ценностей ушли, к другим — буржуазным — не пришли (приход к ним вообще проблематичен, если они противоречат русскому национальному характеру и традициям народной жизни). В результате резкое уменьшение продолжительности жизни (особенно у мужчин) и рост самоубийств, по числу которых Россия вышла на одно из первых мест в мире. Ощущение бессмысленности жизни, характерное в настоящее время для нашей страны, когда разрушены старые ценности и дискредитированы новые, осложняется отсутствием культуры «мировоззренческой рефлексии, позволяющей придти к уникальному смыслу своим, неповторимым путем» (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990, с. 5—6).

Наоборот, понимание смысла жизни помогает выжить в труднейших условиях, вплоть до концлагеря, как замечает В. Франкл, сам узник фашистских концентрационных лагерей, «мужество жить или соответственно усталость от жизни оказывались всякий раз зависящими единственно лишь от того, имел ли человек веру в смысл жизни, его жизни» (Там же, с. 150). Ф. Ницше справедливо писал: «У кого есть Зачем жить, может вынести почти любое Как». Или, как писал тот же автор, «если у человека есть основание для жизни, он вынесет почти любые ее условия».

Парадокс, в соответствии с которым количество самоубийств в концлагерях намного меньше, чем в обычной жизни, Е. Козн объясняет следующим образом: «В царстве жизни можно уйти из жизни, совершив самоубийство; в концлагере можно было уйти только в духовную жизнь» (Там же, с. 153).

Смысл жизни является духовной опорой, позволяющей человеку выжить в экстремальных обстоятельствах. Писатель Ф. Абрамов рассказал про старушку, которая совсем приготовилась умирать и уже не вставала с постели. Но вот в катастрофе погибает ее дочь, и соседи видят, как она встала и принялась заниматься хозяйством. На их удивленные вопросы она показала на внучат и ответила: «А кто же о них теперь будет заботиться?»

Широкомасштабные статистические исследования долгожительства показали, что все долгожители придерживаются спокойной и уверенной жизнеутверждающей позиции. Для этого и требуется знать смысл жизни или бессознательно следовать ему. И в нормальных, и в необычных условиях «сильная ориентация на смысл способствует сохранению здоровья, продлению, если не сохранению, жизни. Она содействует не только физическому, но и психическому здоровью... Вопрос о смысле представляет первостепенный интерес для врача, когда он сталкивается с психически больным, которого терзают душевные конфликты» (Там же, с. 67, 157).

Значение понимания смысла жизни для здоровья и самого существования человека стало в наше время столь очевидным, что на стыке философии и психологии сформировалось направление, получившее название логотерапии (буквально «лечение посредством обретения смысла») — отрасль медицины, которая лечит людей путем оказания им помощи в нахождении смысла жизни. В задачу логотерапии не входит давать конкретные ответы. Она выполняет роль катализатора.

Как подчеркивает основатель логотерапии В. Франкл, которого мы и в дальнейшем будем часто цитировать, «если у человека нет смысла жизни, осуществле-

ние которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов» (Там же, с. 30). Логотерапия позволяет обеспечить излечение наркомании в 40% случаев.

Однако сами по себе сомнения в смысле жизни — это проявление самого человеческого в человеке. «Только человеку дано обнаружить проблематичность своего существования и ощутить всю неоднозначность бытия. Эта способность сомневаться в значимости собственного существования значительно больше выделяет человека среди животных, чем такие его достижения, как прямохождение, речь или понятийное мышление» (Там же, с. 158).

ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Выше говорилось о необходимости индивидуальных усилий по обретению смысла жизни. Но существует немало вариантов смысла жизни, которые находятся вокруг нас. Осознав необходимость смысла жизни, мы можем посмотреть на то, что предлагается нам, и выбрать наиболее подходящее. Это самый простой способ. Причем выбор не обязательно осуществляется на сознательном уровне. Он может проводиться духовным бессознательным, но именно духовным бессознательным, которое может снабдить нас лишь псевдосмыслами, типа наслаждения, сексуального удовлетворения и т.п. Как духовное отличается от физиологического и психологического на сознательном уровне, так же духовное бессознательное отличается от подсознания, описанного З. Фрейдом.

Внешние детерминанты смысла жизни мы рассмотрим последовательно, начав с социальных традиций, которые не потеряли своего значения (особенно на бессознательном уровне), хотя современное общество, вступив на традиционный путь, перестало быть традиционным. К традиционным ценностям можно отнести, в частности, семью, детей, родственников. Существует немало людей, которые считают, что жить надо для семьи, заботы о супруге и детях, и рассматривают в качестве высшей ценности либо сам объект, на который направлено внимание, либо отношение к этому объекту (любовь к нему), либо и то и другое вместе. К такому типу ценностей больше тяготеют женщины как более консервативный пол, биологически нацеленный на сохранение существующего. Иногда традиционные ценности выходят за узкие рамки близких людей и распространяются на определенных представителей своей нации (бедных, униженных, оскорбленных). Так, в XIX веке в России среди интеллигенции возникла тенденция «хождения в народ» для облегчения его тяжелого положения. Порой такая тенденция принимает экстремистские формы революционных выступлений против власть имущих, обвиняемых в угнетении народа. Массовость подобных действий послужила отправной точкой создания коммунистической идеологии. Тенденция выхода за узкие рамки отношения к близким людям может привести к определению в качестве высшей ценности своей нации в целом. Это служит отправной точкой создания националистической идеологии. Наконец, можно рассматривать в качестве высшей ценности все человечество, поднимаясь до заоблачных высот гуманизма.

Другой тип традиционных ценностей связан с отношением не к людям, а к работе. Те трудовые обязанности, которые выполняет человек, могут рассматриваться им в качестве высших ценностей. Они могут быть очень разнообразны соответственно количеству отдельных видов работ. Трудовые ценности, в отличие от семейных, в большей степени присущи мужчинам как преимущественно преобразующему мир полу (как еще говорят экспериментальному). Среди ценностей труда особо почетное место занимают творческие ценности — созидание того, чего еще не было в мире. К творческим духовным ценностям я еще вернусь, когда буду говорить о собственном

понимании смысла жизни.

Помимо традиционных, внешними детерминантами смысла жизни, являются ценности, формирующиеся в различных отраслях культуры и призванные объединить усилия широких масс на выполнение общих задач в рамках этносов и государств. К таким ценностям относились мифологические, которые имели большое значение в ранних цивилизациях, но к настоящему времени уступили лидерство пришедшим им на смену новым отраслям культуры.

Здесь прежде всего следует назвать религию, дающую общие ценности для организации масс в пределах отдельных этносов, и особенно мировые религии, сформировавшиеся в так называемое «осевое время» и чуть позже, которые претендуют на вовлечение в свою орбиту всего человечества. Мировых религий три: христианство, ислам, буддизм. С точки зрения христианства, смысл жизни человека заключается в сохранении души, заложенной в человека Богом, посредством соблюдения данных Богом заповедей. Душа человека, проживающего свою жизнь в соответствии с ними, после смерти и частного Божьего суда попадает на небо, а после конца света и всеобщего Страшного суда обретает свое прежнее тело и навечно остается в раю. Человек получает таким образом вознаграждение за праведную жизнь на Земле. Мусульманские представления о смысле жизни мало чем отличаются от христианских, поскольку ислам сформировался под непосредственным влиянием ранее возникшего христианства. Только заповеди несколько иные, и рай удовлетворяет представлениям древних арабов об идеальной жизни.

Принципиально отличны от христианских и мусульманских представления о смысле жизни в буддизме. На них в большой степени повлияли присущие древней индийской культуре представления о перевоплощении душ и Едином как высшей реальности. Перед человеком поэтому ставится задача выйти из колеса перевоплощений (сансары) и соединиться с истинной реальностью — Единым. К этому верующий приходит в буддизме путем соблюдения определенных нравственных правил (так называемый восьмеричный путь), приводящих его в результате в особое состояние нирваны, гарантирующей выход из сансары и соединение с Единым. Что же касается нравственных правил восьмеричного пути, то они близки к христианским и мусульманским заповедям и представляют собой этические ценности, обеспечивающие комфортное существование сообщества. Этические ценности всех мировых религий можно в целом свести к известному в той или иной форме у всех народов золотому правилу этики: «Поступай по отношению к другим людям так, как хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе».

Мировые религии были главной смыслообразующей детерминантой человечества на протяжении длительного отрезка времени, называемого Средними веками. Их значение велико и сейчас. Но в XVIII—XIX вв. развитие идеологии создало новую мощную смыслообразующую детерминату, потеснившую значение религии. Идеологий, как и мировых религий, три: капиталистическая, основы которой заложены в XVIII в., коммунистическая и националистическая, возникшие в XIX в.

Основными ценностями капиталистической идеологии считаются индивидуализм, свобода, права человека (в том числе и прежде всего право частной собственности). Для ее характеристики больше всего подходит первое слово из тройственного лозунга Великой французской революции — «свобода». Но за этим привлекательным фасадом просвечивают две реальные фундаментальные ценности капиталистического общества: власть и деньги.

В нашей стране ценности капиталистической идеологии стали пропагандировать после крушения СССР, и мы видим, как в течение нескольких лет резко изменились взгляды различных слоев населения, особенно молодежи. Совсем недавно, в советское время, населению навязывались ценности коммунистической идеологии, выра-

женные популярным героем романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Павкой Корчагиным: «Жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному на Земле — борьбе за освобождение человечества». Для характеристики коммунистической идеологии больше всего подходит второе слово из лозунга Великой французской революции — «равенство», но этот привлекательный фасад скрывал насаждаемые однообразие и единомыслие.

К националистической идеологии больше всего подходит третье слово из лозунга Великой французской революции — «братство». Считать высшей ценностью интересы нации и национального государства и видеть смысл индивидуального существования в жизни для своего народа предлагает националистическая идеология. Но мы знаем, чем обернулось господство националистической идеологии в фашистской Германии.

По мощи воздействия идеология в настоящее время далеко превосходит все остальные детерминанты. И все же нельзя сбрасывать со счетов воздействие философии. Философия воздействует на широкие массы населения скорее косвенно, создавая основу для развития идеологии, но может влиять и непосредственно (по крайней мере, на отдельные индивидуумы). Скажем о трех великих философских системах, повлиявших на общественное сознание. Это система древнегреческого философа Платона, создавшего само представление об идеях и идеалах. С точки зрения Платона, смысл жизни заключается в стремлении вспомнить идеи, которые душа воспринимала в мире идей, находясь там в промежутках между воплощениями на Земле. Ученик Платона Аристотель, создавший собственную философскую систему, видел смысл жизни в познании идей, находящихся в самой объективной реальности, т.е. обосновал смысл жизни как познание. В величайшей философской системе немецкого философа Гегеля смысл жизни человека определяется его стремлением к воплощению в жизнь, посредством его познания мира, Абсолютной Идеи, которая в начале мира превращается в природу, затем в человека, и в конце концов возвращается через деятельность человека к себе самой. Гегелевская система связана и с предшествующими представлениями об идеях Платона и Аристотеля, и с индийскими представлениями о Едином как высшей реальности. Русский философ В.С. Соловьев также говорил об истине как всеединстве.

Укажем также на модное в античности учение Эпикура об удовольствии как цели человеческой жизни, которое дошло до наших дней. Популярный немецкий философ Ф. Ницше в соответствии с эволюционным учением, возникшем в XIX в., что человек представляет промежуточное звено эволюции («мост») между обезьяной и сверхчеловеком и тем самым определил смысл жизни человека как стремление к его возможно более скорому превращению в сверхчеловека. Русский философ Н. Ф. Федоров предлагал в качестве «общего дела» человечества воскрешение всех живших до настоящего времени поколений.

И наука вносит вклад в создание смыслообразующих ценностей. На вопрос: «может ли наука дать нечто вроде смысла жизни?» — ответ будет положительный. Не только в том плане, что само познание мира (как считал Аристотель) может стать смыслом жизни, но также потому, что само содержание научного знания может натолкнуть на плодотворные выводы о смысле жизни. Об этом речь пойдет в следующем параграфе.

Все многообразие предлагаемых человеческой культурой смыслообразующих ценностей разделяют на три группы: ценности творчества, ценности переживания (например, любовь) и ценности отношения (к жизненным обстоятельствам). Удары судьбы могут вызывать страдания, но последние необходимы, как горькие лекарства. Они уберегают человека от духовной апатии и обманчивого самоуспокоения.

Духовная эволюция человечества ведет к увеличению количества предлагаемых вариантов смысла жизни. Парадокс нашей действительности, однако, в том, что чем шире выбор, тем больше дефицит осмысленности существования. Это выражают, например, таким образом: «Есть 150 концепций смысла жизни. Значит ни одна из них не истинна. Ну, добавят к ним 151-ю. Что это даст? Чем она лучше предыдущих?» Но большое количество вариантов помогает каждому человеку найти свой индивидуальный смысл жизни. «Все, что мы можем делать,— это быть открытыми для смыслов, сознательно стараться увидеть все возможные смыслы, которые предоставляет нам ситуация, и затем выбрать один, который, насколько нам позволяет судить наше ограниченное знание, мы считаем истинным смыслом в данной ситуации» (Франкл В. Цит. соч., с. 14). С другой стороны, индивид может предлагать смыслы, которые в дальнейшем приобретут общечеловеческий характер. «Уникальный смысл сегодня — это универсальная ценность завтра» (Там же, с. 14).

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ КАК ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕЛЕСНОГО В ДУХОВНОЕ

Мое понимание смысла жизни сложилось под влиянием чтения философских произведений, но решающий вклад внес В. И. Вернадский своим учением о биосфере. В одном из входящих в его состав эмпирических обобщений он делает вывод, что основная функция растений — трансформация солнечной энергии в биологическую. Благодаря содержащемуся в растениях хлорофиллу происходит химическая реакция, в результате которой под воздействием солнечной энергии из потребляемого растением углекислого газа образуются биологические соединения и в виде побочного продукта выделяется свободный кислород, необходимый живым существам для дыхания. Таким образом, смыслом жизни растений можно считать преобразование солнечной энергии в биологическую. Животные потребляют растения и других животных, в том числе более низко организованных. Тогда по аналогии смыслом жизни животных можно считать преобразование низкоуровневой биологической материи в высоко организованную.

Распространить данные выводы на человека позволяет основной в современном естествознании принцип *глобального эволюционизма*. В соответствии с ним в природе имеет место эволюция, т.е. усложнение уровней организации материи. В момент образования Вселенной (он называется Большим взрывом) появились элементарные частицы, затем из них стали образовываться химические элементы, начиная с простейшего — водорода, затем молекулы и более сложные неживые тела и далее зародилась жизнь. Первыми живыми телами были самые простые одноклеточные организмы, затем формировались все более сложные виды растений и животных. Эволюция животных привела к возникновению позвоночных, затем высокоорганизованных позвоночных — млекопитающих, и, наконец, человека. Эволюция жизни называется биологической эволюцией, и человек есть высший продукт этой эволюции, образно говоря, венец жизни на Земле.

Человек является звеном в цепи эволюции и, стало быть, его смысл жизни связан со смыслом эволюции космоса и смыслом жизни растений и животных. Но тогда по аналогии со смыслом жизни растений мы можем заключить, что смыслом жизни человека является трансформация биологической энергии в то, что является специфическим для человека продуктом, который он производит в себе и в окружающем мире. Это духовная энергия.

Духовное в отличие от телесного и психического — это то, что отличает человека, что присуще только ему одному. «И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем»

(Там же, с. 112). Только человек производит духовное. Для этого он и нужен, это и составляет смысл его существования.

Откуда взялось духовное? По религиозным представлениям, оно изначально присутствовало в мире и вложено в человека Богом. Можно понимать духовное и как плод эволюции. Человек создает духовное, как растение создает биологическое, и затем посредством созданного ранее духовного продуцирует духовное (как растения и животные с помощью ранее созданного биологического продуцируют биологическое).

Жизнь дана, чтобы возвести ее в дух. Если дух становится в жизни, тогда жизнь становится нужна, несмотря на страдания, которые ничто иное, как плата за становление духа. Человек сознательно идет на страдания, чтобы обрести духовные наслаждения, и, предпочитая их, добивается того, чтобы чаша страданий не очень перевешивала чашу наслаждений.

Духовность можно назвать вершиной человека, потому что сам человек — венец эволюции, а то, что отличает его от животных, — его дух. Проявление этого высокого, духа, и делает культуру высокой (в отличие от массовой). Это ответ тем, кто не понимает, почему именно духовная культура называется высокой.

Возвращаясь к науке, можно сказать, что на ее языке это выглядит таким образом: смысл жизни заключается в трансформации солнечной энергии в духовную, причем на долю растений приходится превращение солнечной энергии в биологическую, на долю животных — трансформация низкоорганизованных биологических структур в высокоорганизованные, а долю человека — последующая трансформация получаемой им биологической энергии в духовную. Тогда смысл мира в целом заключается в творении качественно нового от неживого до духовного.

Вышеизложенное можно представить в виде таблицы.

Т а б л и ц а 1

Смысл жизни и виды трансформации

Смысл	Вид деятельности
— жизни растений	Трансформация солнечной энергии в биологическую
— жизни животных	Трансформация низкоорганизованной биологической энергии в высокоорганизованную биологическую
— жизни человека и культуры	Трансформация телесной энергии в духовную
— жизни мужчин	Преимущественно созидательная деятельность
— жизни женщин	Преимущественно воспроизводящая деятельность
— жизни вообще	Трансформация солнечной энергии в духовную
— смерти	Обновление телесного
— мира	Творение духовного (из ничего?)

Производимое человеком духовное является творческим продуктом. Поэтому данное определение смысла жизни смыкается с тем, которое гласит, что смыслом жизни является творчество.

Процесс трансформации (или, если сказать более религиозным языком, преобразования) телесного в духовное можно представить по аналогии с процессом распада радиоактивных химических элементов. Исходный материал в процессе ядерного распада неумолимо уменьшается, и вещество постоянно и необратимо трансформируется в энергию. «Так же и жизнь, можно сказать, утрачивает со временем все больше и больше своего «заготовочного материала», так что в конце превращается в «чистую форму» (Там же, с. 193). Мы сгораем, производя духовный свет.

Здесь встает каверзный вопрос. Большинство людей имеет весьма отдаленное отношение к творчеству. Созданием духовных ценностей занимается менее 1 % населения. Значит большинство людей неспособно осуществить смысл жизни? Ответ бу-

дет такой. Люди осуществляют смысл жизни не только сознательно, но и бессознательно, не только непосредственно, но и опосредованно. Мать, отдающая себя воспитанию ребенка, осуществляет смысл жизни не прямо, а косвенно. Можно ввести понятие квазисмысла, под которым понимается именно косвенная реализация смысла жизни. В качестве квазисмыслов выступают все традиционные понимания смысла: работа, семья, дети, близкие, родина, народ, нация, человечество. О таком квазисмысле писал А. Ф. Лосев: «Или жизнь согласно с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она — самоотречение, или жизнь вне связи с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она — бессмыслица». Квазисмысл столь же полезен для психического здоровья человека и его полноценной жизни, как и подлинный смысл, поскольку его реализация ведет к реализации смысла космического целого (что особенно интенсивно подчеркивали стоики).

Не надо также забывать, что природа действует с огромным избытком. «Несколько идеальных судеб, несколько интеллектуальных или нравственных гениев или даже единичная такая личность, появляясь время от времени, могут вполне оправдать существование человечества в целом» (Франкл В. Цит. соч., с. 186). В. Франкл говорит о законе сохранения духовной энергии. «Согласно этому закону, ни одна драма или трагедия внутренней жизни человека никогда не проходила впустую, даже они разыгрывались в тайне, не отмеченные, не прославленные ни одним романистом» (Там же, с. 163).

Наконец, еще один непростой вопрос: кому нужно то духовное, что производит человек? Можно считать, что растения стараются для животных, животные — для человека, а сам человек? Создаваемые духовные продукты нужны 1) самому человеку, который потребляет духовное в процессе своей эволюции. Если эволюция не заканчивается на человеке, то 2) духовное будут потреблять те существа, которые возникнут в процессе эволюции после человека — сверхчеловеки, которые, если верить писателям-фантастам, могут выглядеть в виде существ, имеющих огромный мозг. В процессе дальнейшей цефализации разумного существа у него постепенно будут атрофироваться руки, ноги и другие органы тела, но будет усиленно развиваться мозг, становясь доминирующим органом и по объему, и по значению. Создаваемые ныне информационные поля, ноосфера, как бы загодя готовятся для питания этого духовного сверхчеловека. Возможно также, 3) что и сейчас во Вселенной существуют иные, более разумные, чем человек, существа, которые могут питаться производимыми человеком духовными продуктами. Уфологии утверждают, что инопланетяне захватывают ежегодно миллионы людей, и то ли проводят над ними эксперименты, то ли берут от них нечто, необходимое им самим. Возможно, 4) что в космосе не только три измерения, которые мы знаем, а существуют иные параллельные миры, в которых обитают существа, иногда попадающие в наш мир и пользующиеся производимым нами. Возможно 5) существуют метафизические идеальные миры, о которых пишут философы (наподобие мира идей Платона) и сообщают визионеры (типа Д. Андреева с его «Розой мира»), которые управляют нашей Вселенной и потребляют производимые человеком идеальные продукты. Наконец, 6) творимое человеком духовное может быть нужно Богу, создавшему мир, и ангельским чинам. Здесь мы погружаемся в такую область, которая является потусторонней по отношению к науке и которой естествознание не может дать какой-либо достоверной проверяемой информации.

УСЛОВИЯ ОБРЕТЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Лечение в логотерапии представляет собой, в первую очередь, объяснение того, что в человеке есть духовное (его личность), которое не сводимо к психофизическому и не детерминируется им. «...сущность невроза: отказ от «Я» в пользу

«Оно», отказ от личности и экзистенциальности в пользу фактичности» (Франкл В. Цит. соч., с. 195). Больного неврозом отличает от здорового именно невозможность подняться над своей болезнью. Для конкретного лечения неврозов важно, чтобы человек почувствовал, что он как личность есть нечто иное, чем его болезнь, что он не должен замыкаться в ней, а может подняться над ней и справиться с ней. «Любая психотерапия,— подытоживает В. Франкл,— должна в конечном счете строиться на ноупсихическом антагонизме» (Там же, с. 114), между психическим и духовным. Возвращение с помощью психиатра к собственной личности и составляет суть экзистенциального анализа.

Итак, первый шаг на пути лечения неврозов, их профилактики и обретения смысла жизни — это осознание духовного в человеке как относительно автономной и руководящей субстанции. Апелляция к духовному облегчает постановку вопроса о субъекте поиска смысла жизни. Им является дух человека, не сводимый к его психофизиологической составляющей. Духовное «отделяется как существование от фактичности и как личность от характера примерно так же, как фигура отделяется от фона» (Там же, с. 113). От выявления свободного и автономного духовного в человеке ниточка ведет к пониманию творения духовного как смысл жизни человека.

За осознанием наличия духовного в человеке следует понимание того, что духовное основывается не на побуждении влечений, а на стремлении к ценностям, к смыслу. «Это духовное стремление к смыслу включает в себя на психическом уровне влечения как источник энергии» (Там же, с. 122). Организм выполняет роль инструмента, средства, которое использует личность для реализации своих целей, но не роль демиурга, которому подчиняется личность. Из всех возможностей, которые предоставляет человеку судьба и психофизиологический базис, он должен выбрать ту, которая соответствует его индивидуальной жизненной программе и которую может реализовать именно он и никто другой. Здесь на первый план выходит чувство ответственности за осуществление смысла.

Побочным продуктом осуществления смысла является самоактуализация, поскольку стремление к реализации уникального смысла своей жизни делает каждого человека неповторимой личностью. Даже если смысл жизни один на всех, у каждого «свой, неповторимый жизненный курс, следуя которым мы можем реализовать свои личные, только нам данные возможности» (Там же, с. 184).

Индивидуальный смысл связан со сверхсмыслом, смыслом целого, Вселенной, бытия, истории, поскольку человек — часть социального и природного Космоса. Понимание себя как части целого помогает человеку обрести смысл своего существования; наоборот, самозамкнутость человека на себя мешает обретению смысла. Людей, осознавший свой индивидуальный смысл как часть всеобщего и стремящихся к осуществлению общечеловеческого и даже космического смысла, модно обвинять в миссионерстве. Обвиняют даже целые нации (например, русскую). В то же время в логотерапии «экзистенциальный анализ учит людей воспринимать жизнь как «миссию» (Там же, с. 187).

В заключении представим сказанное в виде схемы:

Осознание индивидуальной души → Создание духовной личности → Обретение и реализация смысла жизни

Между созданием духовной личности и обретением смысла жизни имеется контур положительной обратной связи, формирующий так называемый триггерный эффект. Чем сильнее духовная личность, тем яснее осознание смысла жизни, но последнее ведет к дальнейшему укреплению личности и одновременно к более успешной реализации смысла жизни, поскольку смыслом жизни является трансформация телесного в духовное.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. КОНЕЦ ИГРЫ

Весной 2007 года меня пригласили в Театр у Никитских ворот на премьеру пьесы одного из столпов «театра абсурда» С. Беккета «Конец игры». Становлению «театра абсурда» во многом способствовало философское направление экзистенциализма, которое утверждало абсурдность (бессмысленность) человеческого существования. В отсутствие смысла, что же дает людям силы жить? По Беккету, который основывается еще и на модной концепции Й. Хейзинги «Хомо луденс» («Человек играющий») — это игра.

Герои Беккета не доказывают, наподобие Хейзинги, что жизнь — игра (или в варианте Германа из «Пиковой дамы»: «Что наша жизнь? — Игра»). Они стремятся к игре в самых примитивных ее формах, как гаранту их собственной жизненности. Их кредо: «Пока я играю, я жив».

Спектакль вызвал у меня ощущение незаконченности, и, как потом выяснилось, объяснялось оно тем, что сами актеры и режиссер еще не вполне поняли, как им играть эту гениальную пьесу. Лишь на обратном пути домой моя мысль обрела ясность. Абсурду на сцене и в жизни может быть противопоставлен только смысл. Конец игры — не смерть, как думают герои пьесы Беккета, а обретение смысла. Как только смысл обретен, игра кончается, и начинается осмысленная жизнь. Тогда человек говорит: «Конец игре» и впервые становится поистине серьезным. Остается пожелать посмотреть спектакль «Конец игры» и вместе с артистами поскорее закончить игру.

